

Алмазный эндшпиль

Автор:

[Елена Михалкова](#)

Алмазный эндшпиль

Елена Ивановна Михалкова

В Москве совершено громкое ограбление: похищен редкий синий бриллиант «Зевс». Майя Марецкая знает, кто совершил преступление и где прячут бриллиант, но молчит. Почему? Антон Белов тайно перевозит драгоценные камни. Последняя «операция» едва не стоит ему жизни. Убийца считает его лишь пешкой в своей игре... Сможет ли пешка изменить ход партии? Владелец салона «Афродита» ищет редчайший бриллиант, следы которого ведут из Франции восемнадцатого века в Россию двадцатого. Но принесет ли счастье «Голубой Француз» своему новому хозяину?

Читайте об этом в новом детективном романе Елены Михалковой «Алмазный эндшпиль». Мастер детективной интриги, Елена Михалкова показывает неизвестную сторону ювелирного мира.

Кто победит в виртуозно разыгранной шахматной партии, где выигрыш дороже любых бриллиантов?

Елена Михалкова

Алмазный эндшпиль

Автор выражает глубокую благодарность:

Иветте Бегляровой, помогавшей мне в работе над рукописью,

Маше Овчаренковой, мужественно читающей все мои детективы,

Ольге Корупаевой, крестной маме Семы и Мони и

Алене, открывшей мне двери в эту книгу.

Глава 1

Эндшпиль – заключительная часть шахматной партии

2005 год

В плацкарте было весело. Два морячка, соседи Антона, с утра выпивали, потом травили флотские байки, азартно резались в карты со студентиком, занимавшим верхнюю полку, и вели себя до того непринужденно, что в конце концов Антон насторожился. Все шло слишком хорошо. И морячки были слишком правильные, разухабистые такие ребята – душа нараспашку. Он прикинул, что они ехали вместе от Екатеринбурга, и пора бы им уже и притомиться – а они по-прежнему веселились, словно в них никак не кончался механический завод. «Неужели подставные?! Но зачем вести меня до Москвы?» Способ проверить был только один. Белов внезапно спрыгнул с полки, повесил на плечо сумку и быстро пошел по вагону. Выйдя в тамбур, он прислонился к стене, закурил и принялся ждать. Десять секунд, двадцать... Хлопнула дверь. Антон подобрался, но вместо морячков в тамбур выскочила девчонка лет восемнадцати, окинула его взглядом и требовательно попросила сигаретку. Что ж, значит, на этот раз он ошибся. Белов облегченно прислонился затылком к стене, глядя на проносящиеся за окном деревья.

Со стороны он выглядел как мужчина средних лет, задумавшийся о своей неудачной жизни. Стоптаные кроссовки, потертые джинсы, дешевая сумка... Стандартный облик аутсайдера, стандартный набор мыслей на тему «почему не везет мне и везет другим». Во всяком случае, так решила девчонка, оценив перспективность попутчика. Он очень быстро докурил и руки теперь держал странно: сомкнутые пальцы правой руки прижимал к ладони левой.

Взглянув еще раз, девушка решила, что, пожалуй, в лице мужчины есть что-то привлекательное. «Нет, он меня, по-честному, не интересуется, – оправдалась она сама перед собой.

– Но потренироваться-то можно?»

– Что, болит? – спросила девушка, кивая на его руку.

Она ни секунды не сомневалась, что он с радостью завяжет разговор. У девушки были длинные ноги, светлые волосы и высокая грудь: на этот набор достоинств нормальный мужчина не мог не отреагировать.

Попутчик поднял на нее глаза, оказавшиеся темно-голубого, какого-то тревожного цвета, и коротко качнул головой. И снова уставился в окно, не изъявляя никакого желания продолжать светскую беседу.

Девушка опешила. Она даже открыла рот, чтобы выпалить язвительное замечание, но неожиданно поняла, что реакции все равно не последует. Неприветливый мужик так и продолжал таращиться в окно, вжимая пальцы в ладонь.

Она докурила, бросила на него пренебрежительный взгляд и вышла из тамбура.

Белов даже не заметил ее ухода. Он считал про себя, погружаясь в подобие медитации, освобождаясь от напряжения. Ему предстоял самый опасный участок – московский. Он должен был отдохнуть, прежде чем отправляться в путь.

«Десять», – мысленно сказал Антон и погрузился в тишину. Исчез даже стук колес. «Девять». Деревья за окном превратились в зеленое течение, в реку, несущую его к цели. Краешком сознания он контролировал происходящее вокруг. «Восемь». Он вызвал в памяти звук, любимый с детства, – звон колокольчика. «Семь». И запах, запах грибов в осеннем лесу. На счет «шесть» и «пять» Антон полностью расслабился, вдыхая грибной дух, прислушиваясь к негромкому звону где-то на краю леса, а в следующие секунды его фантазия начала стремительно таять.

«Четыре». Вернулся запах прокуренного тамбура.

«Три». В сознание ворвался стук колес.

На «два» Антон сфокусировал взгляд перед собой, на «один» вынул из ладони левой руки тонкую иглу, которую воткнул двадцать секунд назад. Выступившую каплю крови слизнул языком, не чувствуя боли.

Этим упражнением он пытался овладеть полгода, и оно никак не давалось ему. Тренер говорил, что Антон слишком боится потерять контроль над ситуацией.

«Ничто не подчиняется тебе, кроме тебя, – раз за разом терпеливо повторял старый китаец.

– Люди тебе неподвластны. Время тебе неподвластно. Даже вещи живут своей жизнью. Но ты сам – свое время, своя вещь. Ты можешь быть себе хозяином. Учись».

Когда Антон это осознал, то сам удивился, каким наивным и глупым он был. И упражнение далось ему само, стоило только запомнить, где находится нужная точка на ладони, и научиться достоверно вызывать запахи.

Он вошел в вагон, ощущая себя так, словно хорошо выспался. Надолго подзарядки не хватит, но уже к вечеру Антон должен отдать груз получателю. А потом он отдохнет по-настоящему. Отоспится, наплавается в бассейне до изнеможения, снова отоспится... Но это все завтра, завтра. А пока ему нужно сосредоточиться на грузе и на том, чтобы доставить его к сроку.

– Санитарная зона через двадцать минут, – предупредила проводница, проходя по коридору.

«Двадцать минут...» Антон зашел в туалет, закрылся, опустил шторку на окне. Поезд трясся немилосердно. Он опустил крышку унитаза, быстро вынул из сумки кусок ткани и расстелил его на крышке.

«Видел бы кто-нибудь, что я сейчас делаю».

Ткань была шершавая, со специальной пропиткой. Антон достал из внутреннего кармана рубашки, пришитого хитрым способом, небольшой мешочек, расстегнул молнию и высыпал его содержимое на ткань.

Камни радостно засверкали, как будто их выпустили на свободу. Даже в этом тусклом желтом свете они сияли и переливались. Антон видел подобное десятки раз – и все равно в первые секунды это зрелище ошеломляло его, как ребенка.

Двадцать восемь бриллиантов. Крупные, прекрасно ограненные, хотя и не очень чистые камни. Антон взял ближний, всмотрелся и покачал головой: невооруженным глазом он видел характерный дефект, крошечную трещинку, по форме напоминавшую английскую «S».

Не самая лучшая партия. Впрочем, это его не касалось. По-хорошему, он не должен был ни доставать камни, ни рассматривать их – это запрещалось правилами. Но Антон считался одним из лучших перевозчиков в том числе и потому, что был готов нарушать правила.

Он разделил камни на две ровных кучки, ссыпал одну в запасной мешок, расстегнул джинсы и ловко прикрепил его чуть ниже пупка. Вытащил из сумки эластичную ленту и обмотал сверху. Теперь мешок не был виден и не мешал ему.

На всякий случай Антон наклонился, проверяя, не чувствуется ли его груз. Одно из правил гласило: «посылка» не должна мешать движениям. Никаким.

У всех на слуху было происшествие двухмесячной давности. Один из перевозчиков закрепил мешок на внутренней стороне бедра возле паха, а потом вынужден был убегать от четырех подвыпивших парней. Но убежать не удалось: камни мешали. Парень вступил в драку и едва не убил одного из нападавших. Груз он доставил по назначению, но работы лишился. И не потому, что привлек к себе внимание – его боссы и на убийство посмотрели бы сквозь пальцы. А оттого, что допустил серьезную ошибку: сам спровоцировал рискованную ситуацию. Еще одно правило перевозчика: можешь убежать – убеги. А если не смог – эта работа не для тебя.

Второй мешочек Антон вернул на место, во внутренний карман рубахи. Спрятал все следы своей деятельности, даже вымыл руки. Спустил воду в унитазе, чтобы снаружи был слышен звук, и вернулся на свое место в вагоне.

Морячки по-прежнему резались в «дурака».

- Э, попутчик, ты куда рванул-то? – лениво позвал один.

- Сидел-сидел, потом раз – и убежал!

- Живот прихватило, – пожаловался Антон. – Даже таблетки из сумки вынуть не успел.

- Гастрит?

- Вроде того.

Больше никто не проявил к Антону интереса, и он забрался на полку, вытянулся, закрыл глаза, просчитывая маршрут.

Поезд прибывал на Курский вокзал, а клиент ждал на «Парке Культуры». На первый взгляд, проще всего не выходить в город, а нырнуть в метро и с одной пересадкой добраться до получателя. Но это лишь на первый взгляд.

Любой перевозчик знал: если за тобой следят, то метро – гиблое место. Только в кино беглец может спуститься в подземку и обвести вокруг пальца и милицию, и уголовников, и всех, кто вздумает поймать его. В действительности московское метро могло стать ловушкой: в час пик здесь не протолкнуться в толпе, и случилось, что опрометчивый курьер застревал в людском потоке, как рыбешка в сетях. Незадолго до прихода Антона в фирму молодой парень-перевозчик был убит именно так, в плотном скопище людей, на выходе из Киевской. Его ударили стилетом под лопатку и обшарили на ходу уже мертвого, а затем попросту бросили под ноги толпе.

Поэтому курьеры пользовались наземным транспортом, садились в машину лишь в самом крайнем случае и были обучены мастерски уходить от преследования и заметать следы.

Самое смешное, подумал Антон, что все эти навыки требовались им крайне редко.

- Кажись, подъезжаем, – сообщил попутчикам один из морячков.

Белов приподнялся на локте и посмотрел в окно. Вот знакомые высоты, там горбатый мост выгнул спину над рекой, за ним промелькнул торговый центр, похожий на огромный синий ангар... «Пора собираться».

Сборы заключались только в том, чтобы зашнуровать кроссовки. Но на это у Белова ушло не меньше пяти минут. Он знал, как может подвести небрежно зашнурованная обувь, и не обращал внимания на подколки морячков.

- Да чо ты возишься, братан! – Давай помогу!

- Ногу недавно вывихнул, – объяснил Антон, заканчивая свое занятие. – Уф, каждый раз такая морока.

- Да ты какой-то весь больной, паря! – пожалели его. – Слышь, может, тебя подвезти? С хромой-то ногой...

- Спасибо, мне тут недалеко.

Москва с вокзального порога обрушила на него свои запахи. Пахло пылью и асфальтом, от поездов несло машинным маслом и гудроном. На шумном, ревущем сотнями машинных голосов Земляном Валу Антон задержался на пару секунд перед витриной – и нырнул в прохладу торгового центра.

Все его переходы он знал, как свои пять пальцев. Но куда важнее было то, что он помнил расположение витрин. Ловушки отражений, на которые обычные посетители не обращали внимания, позволяли Белову идти, не оборачиваясь, и видеть тех, кто следует за ним.

Здесь – зеркальный угол, через два магазина – затемненное стекло в двери, еще дальше – кафе с зеркальной полкой за барменом... Антон не торопился. Он должен был убедиться, что слежки нет, прежде чем выйти на улицу.

Если бы его вели, преследователи шли бы за ним, а не дожидались снаружи – ведь он мог передать груз другому курьеру. Изредка использовалась цепочка из двух и даже трех звеньев. Но никого подозрительного Антон за собой не

заметил.

Белов облегченно выдохнул и быстро пошел к выходу.

Он успел догнать троллейбус и вскочил на подножку за секунду до того, как двери закрылись. Пять остановок вверх по Садовому, две обратно – и Белов скрылся в змеевидных переулках, сдавленных домами.

Он кружил по городу, постепенно приближаясь к месту встречи. Маршрут полностью зависел от курьера, и даже своя служба безопасности не знала, каким путем он отправится. Когда-то на перевозчиков ставили «маячки», чтобы отслеживать их перемещения, но об этом быстро узнали те, от кого перевозчикам и предстояло скрываться. Пришлось отказаться от «маячков» и предоставить курьерам полную свободу.

Завершив очередную «петлю», Антон оказался на Волхонке и спустился к набережной. На мосту огляделся, отделяя наметанным взглядом туристов от тех, кто спешил по делам. Вокруг не было никого, кто привлек бы его внимание. Но Белова по-прежнему не оставляло слабое, назойливое, как звенящий ночью комар, ощущение опасности.

«Черт возьми, да откуда оно?!»

Антон верил в интуицию, но не находил ни одного подтверждения тому, что за ним действительно кто-то следит.

Он словно оказался в чуть-чуть видоизмененной реальности. Подсознание фиксировало мельчайшие отклонения от нормы, но мозг не знал, что ему делать с этой информацией. «Морячки эти... Еще Котов вчера с утра... Поганец!»

Сашка Котов, заместитель начальника службы безопасности, лощеный прохвост с честными голубыми глазами, несколько раз желал Антону удачи перед «делом». У курьеров это считалось плохой приметой, и Белов каждый раз едва сдерживался, чтобы не послать Котова ко всем чертям. Но вчера Сашка превзошел самого себя: расчувствовавшись, похлопал Антона по плечу и приобнял на прощанье.

«Может, он гей? Наши что-то мне про него рассказывали... вспомнить бы еще, что именно. Теперь привяжется его мерзкая рожа, из головы не выбросишь».

Антон миновал памятник Петру, пересек сад с жутковатыми скульптурами и вновь принялся петлять через дворы, будто заяц, запутывающий след. Оставался последний этап. Еще несколько кварталов – и он сможет избавиться от груза.

«Вы ни в коем случае не должны двигаться прямо к цели! – учили их два года назад.

– Запомните, самый короткий путь – не для вас. Исходите из того, что противник знает, из какой точки вы вышли и куда должны прийти. Стройте маршрут так, чтобы его невозможно было просчитать. И помните: вам не нужно привезти груз как можно быстрее. Вам просто нужно привезти его. В вашем случае время – тот ресурс, которым можно пожертвовать».

Что ж, курьеры жертвовали временем. Не доходя одного квартала до цели, Антон свернул влево, удлиняя путь – но и сбивая с толку возможных преследователей.

Вскоре он очутился в проходном дворе. Двор был старый: с тихой, «осыпающейся» детской площадкой под узловатыми липами, с домами грустного желтого цвета, вставшими в оборонительное каре против новостроек. Белов устремился в арку, собираясь как можно скорее проскочить это унылое место и выбраться на проспект, от которого до клиента оставалось в буквальном смысле десять шагов. Но ему помешали.

Двое в серо-синей форме вынырнули из-за мусорного бака, словно прятались там, и преградили Антону путь.

– Сержант милиции Спиридонов, – невнятной скороговоркой пробубнил один, изучающе глядя на Антона.

– Ваши документики, пожалуйста.

Белов полез в карман за документами. Он был совершенно спокоен. Встреча с сотрудниками милиции входила в перечень стандартных ситуаций, которые они отрабатывали на подготовке.

«... – Чего может хотеть мент? – пожилой, наголо бритый мужчина обвел взглядом аудиторию.

– Денег!

– Само собой. Но не только их. Чего еще?

Десять человек слушателей озадаченно молчали.

– Думайте, думайте! Вы же взрослые неглупые люди. Представьте, что вас останавливает патруль. Какая у этих ребят мотивация, если не брать в расчет надежду поживиться?

– Интерес? – осторожно предположил Белов. Он старался не высовываться на занятиях, предпочитая больше слушать и запоминать, чем говорить.

– Поясни.

– Ну... Например, им хочется поразвлечься. Чтобы их поуготоваривали. Почувствовать власть. То есть им нужны не деньги, а эмоции. Игра с жертвой.

– Да, это вполне возможно. Хорошо. Что еще?

Десять взрослых тренированных мужчин переглядывались и пожимали плечами.

– Что ж, забавно. Ваши ответы весьма показательны. Вы нашли всего две мотивации, совершенно упустив из виду, что патруль может добросовестно делать свою работу. Например, проверять вашу сумку на предмет обнаружения там наркотиков или взрывчатки. М-м-м? Об этом вы не подумали?

– Довольно фантастическая ситуация, – неуклюже сострил кто-то.

- Поэтому и не подумали.

- Однако вам придется с ней столкнуться, - не приняв шутку, сухо ответил преподаватель.

- И неплохо бы вам понимать, что мент, выполняющий работу, для вас опаснее всего. От тех, кто хочет денег, вы откупитесь. Для тех, кто хочет поразвлечься, прикинетесь дурачком, и от вас отстанут. Но в отделение вам попадать нельзя. Итак, первое, что вы должны сделать - понять, кто перед вами и чего от вас хочет. В соответствии с этим вы и строите три разных модели поведения. Давайте остановимся на них подробнее...»

Пока сержант милиции Спиридонов рассматривал паспорт Антона, тот изучал его и второго патрульного, пытаюсь применить теоретические знания на практике. Его пару раз останавливали для проверки на вокзалах, но тогда Белову хватало билета и паспорта с московской пропиской. Сержант же на прописку глянул только мельком и теперь зачем-то рассматривал фотографию.

- Далеко направляемся? - без выражения спросил Спиридонов, не поднимая глаз на перевозчика.

- К другу еду, - спокойно ответил Белов. «Будете искать, к чему придраться? Не к чему, товарищи милиционеры, не к чему. Так что отпустите меня с миром и сами идите на все четыре стороны».

- А где же друг живет?

- На Третьей Фрунзенской, - не задумываясь, сказал Антон.

- Далековато тебе еще...

- Точно, командир, далеко. Хочу выбраться на проспект и тачку поймать.

- А в сумке что?

- Сменная одежда и обувь. Показать?

Белов с готовностью взялся за край сумки, собираясь открыть молнию, но сержант лениво махнул рукой и протянул Антону паспорт. «Неужели все? – удивился Антон.

– Точно, сейчас отпустят. Расслабленные они какие-то, как будто им не до меня. Зачем же тогда тормознули?»

– Спасибо! – сказал он, пряча паспорт.

– Могу идти?

– Нет, ты стой! – встрепенулся сержант.

– Сумку-то все-таки открой, а? Мы только глянем – и все. Служба такая, сам понимаешь...

«– Не упрямитесь, не вступайте в спор, а главное, не говорите о законе и своих правах, – учили Белова на занятиях.

– Вы же понимаете, что в разговоре с представителем власти упоминание о правах равносильно предложению набить вам морду. Так что не надо. Воздержитесь».

Помня об этом, Антон не стал сопротивляться и послушно потянул молнию на себя. Сумка развалилась на две половины, и он придержал ее сбоку, чтобы не вывалились вещи. Сержант замер над сумкой, изучая ее содержимое. Второй патрульный незаметно шагнул в сторону и исчез из поля зрения Белова. Стоять с разъявленной сумкой Антону было неудобно, но сержант Спиридонов все смотрел и смотрел, и Белова вдруг словно что-то ударило.

Эта парочка ленивых милиционеров – что она забыла здесь, в этом желтом дворике, куда даже бродячие кошки не заглядывают? Что за странное место они выбрали, как будто ждали именно его, Антона? А если не выбирали, а просто шли по своим делам, то зачем остановили его? И что за нелепая возня с сумкой? Зачем? Разве что...

«Разве что затем, чтобы у меня были заняты обе руки».

Антону стало не по себе. Не выпуская сумку, он искоса бросил взгляд на молчаливого патрульного. В ту же секунду тот сделал шаг навстречу и выбросил вперед сжатый кулак, в котором блеснуло что-то, похожее на рыбу, выпрыгивающую из воды.

Смертоносная «рыбина» рассекла воздух и обожгла увернувшемуся Антону бок. Белов отпрыгнул в сторону и швырнул сумку в лицо нападавшему.

- Сопrotивление при задержании, - укоризненно сказали позади него.

- Первый предупредительный.

Антон обернулся, но слишком поздно. Пистолет в руке сержанта Спиридонова дернулся, гроыхнул «первый предупредительный», и Белова с силой ударило в плечо.

В первый момент он не почувствовал боли. Заполoshное эхо, заметавшееся по двору, оглушило его, и долю секунды он мог только изумленно смотреть на человека в форме, не побоявшегося стрелять из табельного оружия днем в жилом районе Москвы.

Затем мозг его включился, и сразу же он ощутил, как плечо проткнула толстая игла, заворочалась внутри.

«Да они психи, - мелькнуло в голове у Антона. - Плевали на все, будут убивать даже при свидетелях».

Он рванул с места и застонал на бегу, чувствуя острую боль в плече. В арку, в арку, быстрее! Там можно попытаться уйти дворами, он знает все ходы и выходы, там спасение от этих убийц в форме, непонятно как вычисливших его путь. Еще несколько метров - и...

Второй выстрел настиг его, когда он заворачивал за угол. Пуля попала в бедро. На этот раз Антон сначала ощутил, будто в ногу ткнули раскаленным прутом, затем его отбросило в сторону, и лишь потом он услышал грохот, от которого задрожали стекла на первом этаже.

Белов упал на теплый асфальт, скрючившись от боли и стараясь не стонать, чтобы преследователи поверили, что он полумертв. Топот шагов – и Антона грубо перевернули на спину, обшарили карманы.

– Нашел? – спросили сзади.

– Вот они, – бросил назвавшийся сержантом.

– Держи!

Антон открыл глаза.

Сержант стоял над ним и протягивал мешочек с бриллиантами напарнику. Обежав взглядом двор, Белов осознал, что шансов у него нет: с такой раной ему не добежать и до подворотни. Сейчас они хладнокровно прикончат его и исчезнут с камнями.

«...и я даже не узнаю, где прокололся».

Скрипнула дверь, и из ближнего подъезда наружу выползла сухая согбенная старушка. Подняла голову – и застыла, уставившись на Белова. Тяжелую дверь она машинально придерживала рукой, но та уже закрывалась, подтягивая за собой и старушонку.

Антон понял, что это его единственный шанс и другого не будет. Сжав зубы, он подбросил вверх здоровую ногу и со всей силы ударил сержанта в пах.

Патрульный взревел и согнулся пополам. Белов вскочил и, хромая, метнулся к подъезду, зажимая ладонью рану в бедре.

Он проковылял мимо старушки, на лице которой медленно созревало удивление, ворвался в подъезд и дернул дверь на себя. Тяжелая железная дверь захлопнулась за ним, но тут же затряслась от рывков снаружи.

«Сейчас выбьют из старушки код – и догонят», – понял Антон.

Он тяжело побежал вверх по ступенькам. Рубаха и джинсы промокли от крови, каждый шаг давался ему с невероятным трудом. «Выбраться бы наверх! Может, по крышам смогу уйти...»

Но на последнем пролете Антон понял, что выбраться ему не удастся. С двумя такими ранами он не сможет скакать по крышам. Под ногами у него собралась темно-красная лужица, еще немного – и он потеряет сознание от потери крови.

Сверху раздался шорох. Белов поднял голову и увидел на лестнице, ведущей на крышу, сизого косматого бомжа. Тот сидел в окружении объедков, с непонятым выражением глядя на кровавый след, оставшийся за Антоном.

Люк над ним был приоткрыт. Антон шагнул к бомжу, но это движение лишило его последних сил. Снизу загрохотала распахнутая дверь. «Они поднимутся сюда, сперва закончат со мной, а потом и мужичонку уберут как ненужного свидетеля».

Вцепившись в перила, чтобы не упасть, Белов выдавил, обращаясь к бомжу:

– Беги, отец...

Секунду бомж смотрел на него, не мигая. А затем, правильно поняв предупреждение, вскочил и с кошачьей ловкостью исчез в открытом люке. Антон обвел взглядом квартиры на лестничной площадке в слабой надежде на чудо, которое спасет его, но в глубине души зная, что чуда не случится.

И вздрогнул.

Тамбурная дверь справа была приоткрыта. В щель виднелись старые разношенные туфли. Снизу приближался топот, и Белов, собрав остатки сил, ввалился в тамбур, неслышно прикрыл дверь и сполз вниз, придерживая дверную ручку. Чертова дверь запиралась ключом, а не засовом! Ему оставалось только тянуть ее на себя, чтобы снаружи казалось, будто она закрыта.

«Если снаружи дернут – мне конец».

Преследователи добежали до пятого этажа и остановились в растерянности.

– Куда он делся? – мрачно спросил один. Белов слышал тяжелое сопение так хорошо, будто его и убийц ничего не разделяло.

– На крышу ушел! – догадался второй.

– Вон, глянь!

Металлическая лестница загремела. «Наверх побежали», – облегченно подумал Антон. На глаза напознала вкрадчивая серая пелена. Он выпустил дверь, нажал поочередно две точки на висках – и в глазах прояснилось. Он знал, что это временный эффект, которого хватит не больше, чем на пять минут. Но те двое, что выскочили сейчас на крышу, должны были вернуться еще раньше – стоило им только убедиться, что его там нет.

«Значит, у меня минуты полторы, не больше».

Антон оглядел квартирные двери, выбрал ту, где замок был проще, и, скривившись от усилия, вытащил из кармана джинсов отмычку. Пальцы у него дрожали, и он попал в личинку замка только с третьей попытки. Замер, нащупывая «язычок», – и надавил.

Замок щелкнул, открываясь. Но, прежде чем войти, Антон подтащил пыльный коврик к тому месту, где он сидел, и бросил на пол, маскируя кровавый след.

Оказавшись в квартире, он закрылся изнутри. Цепляясь за стены, добрал до ванной комнаты. Шкафчик с лекарствами оказался там, где он и предполагал. Антон стащил с себя одежду, сорвал пояс с бриллиантами, разорвал зубами упаковки бинтов и прижал полотенце к ране в бедре. С плечом можно было разобраться и потом, а вот эта дыра тревожила его всерьез. Разбросав пузырьки, он раскопал обезболивающее и проглотил сразу пять таблеток, запив их водой из-под крана.

«Пуля, похоже, задела артерию... Если не остановлю кровь – считай, труп».

Антон отбросил в ванну намокшую от крови тряпку, вылил на рану два пузырька хлоргексидина и схватил второе полотенце. Наложив импровизированную повязку, он сполз на пол и прислонился спиной к стене. Надо было заняться

раной в плече и царапиной от ножа, но у него не было сил. Надо было добраться до телефона, но даже мысль о том, что он должен подняться и куда-то идти, вызывала усмешку.

Внизу, во дворе, раздались громкие крики. Даже сидя в ванной комнате, Белов слышал, как пронзительно завизжала женщина.

«Неужели эти двое пришли старушку?»

Он бросил взгляд на повязку. Кажется, кровь ему удалось остановить. Теперь нужно возместить кровопотерю... Но в этой аптечке не было ничего, что могло помочь ему.

«Подожду хозяев, спрошу у них», – с мрачным юмором подумал Антон.

В такую переделку попадать ему еще не доводилось. Первый раз за два года работы он был настолько близок к смерти. Но отчего-то мысль об этом не вызвала у Белова особого ужаса.

«Жил бестолково... Да и сдохну тоже не смертью храбрых».

Антон чувствовал не страх, а досаду: ему помешали качественно сделать его работу. Правда, половину груза он сохранил, но что толку, раз он не в состоянии доставить его.

Он уселся удобнее, привалился спиной к прохладному кафелю. Надо бы поменять повязку... Поменять... И позвонить своим... Вот только бы добраться до телефона... Где в этой квартире телефон?

Боль ушла, но вместо нее нахлынула слабость – нехорошая, опасная, как сон в зимнем лесу. У Антона не осталось сил противиться ей.

– Не спать, – беззвучно, одними губами приказал он себе.

И провалился в забытье.

Человек, представившийся Антону сержантом Спиридоновым, в эту секунду находился в пяти кварталах от старого дворика, и машина стремительно уносила его все дальше. Он прижал трубку к уху и, дождавшись ответа, сказал:

– Все готово.

– Обошлось без осложнений?

«Сержант» сделал паузу перед ответом, и она не осталась незамеченной.

– Что такое? – рыкнули ему в ухо, и он, поморщившись, отодвинул телефон. Напарник сочувственно глянул на него и отвел глаза.

– Груз у нас, а об остальном я хотел бы доложить, когда приедем, – собравшись с духом, предложил Спиридонов.

– Идет. Жду тебя через полчаса.

В трубке раздались гудки отбоя.

«Сержант», которого на самом деле звали Игорем Савушкиным, нервно скрипнул зубами: ехать до шефа оставалось не меньше сорока минут, а по московским пробкам – и все полтора часа.

– Через полчаса, значит, ждет... – пробормотал он и наклонился к шоферу.

– Давай не по кольцу, а напрямую, не то с нас головы снимут.

Машина вильнула вправо, наперерез потоку, бесцеремонно подрезая другие автомобили, и, вызвав за собой шквал сигналов от возмущенных водителей, исчезла в переулке.

Через сорок минут те, кто напал на Антона Белова, стояли перед непосредственным начальством в огромном темном кабинете. Мешочек с бриллиантами лежал на столе: в него никто даже не заглянул, будто

исполнители привезли не груз миллионной стоимости, а безделушку.

- Так вы убрали курьера или нет? - спрашивающий казался спокойным, но Игорь порадовался, что его и начальство разделяет широкий стол.

- Я выстрелил в него, как и должен был, - торопливо отчитался он.

- Ранил, но перевозчик сумел убежать в подъезд и выбрался на крышу. Мы преследовали его, он попытался перебраться на соседнее здание и свалился.

- Уверены, что он разбился?

- Абсолютно. Там пятый этаж, он упал на асфальт.

- Как помидорка, - вдруг подал голос второй исполнитель и даже осмелился хихикнуть.

- Вы видели тело своими глазами? - настойчиво спросил человек за столом.

- Конечно, - без тени колебания в голосе соврал Игорь, подумав, что будет лишним уточнять подробности.

Они ведь и в самом деле видели издали, как беглец забрался на ограждение, пошел по нему, балансируя, внезапно махнул руками и сорвался. В соседнем дворе, куда он упал, поднялся такой визг, что они сочли за лучшее убраться оттуда немедленно.

- Разбился он, это точно, - повторил для убедительности «сержант».

- Наверное, упал из-за раны. Может, уже был мертв, когда падал.

- Ну хорошо... Про оружие не забыли?

- Нет, бросили там.

Шеф кивнул уже благосклоннее, подвинул к себе мешочек и рассеянно вытряхнул на стол его содержимое. Перебрал толстыми пальцами бриллианты, словно речные камешки, и вдруг рука его замерла над ними.

Он поднял глаза на исполнителей, и те подались назад, еще не понимая, что случилось, но предчувствуя неладное.

- Где остальное? - угрожающе проговорил шеф.

- Что - остальное? - непонимающе переспросил Игорь.

- Ты что, дурак?! - взорвался тот.

- Где остальные камни?!

Он потыкал пальцем в бриллианты и с такой силой щелкнул по последнему, что тот отлетел на край стола.

- Здесь - четырнадцать! А должно быть - двадцать восемь! Где еще половина?! Вы, придурки, где остальная часть?!

«Сержант» побледнел.

- Это все, что было!

- Точно, не было больше, - опасливо подал голос из-за его спины напарник.

- Вы курьера обыскали? Я вас спрашиваю, вы его обыскали? Не верхнюю одежду обшарили, а всего, включая трусы?

- Всего - не успели, - тихо сказал «сержант».

- Мы вообще думали, что он мертвый, а эта сука как рванет...

- Идиоты!

– Мы же не знали, сколько у него с собой! Схватили груз и решили, что больше у него нету...

– Решили они...

Шеф снова рывком сгреб камни. Их блеск потух под его массивной ладонью.

– Где же остальное? – уже спокойнее спросил он.

Исполнители промолчали, понимая, что вопрос адресован не им.

– Может, вы додумались их спереть?! Или курьер?

Бледные лица его подчиненных выразили протест и ужас.

– Шучу, шучу! – фыркнул шеф.

– Куда уж вам. Получается, половина камней все еще у него.

– А не мог он их кому-то передать? – робко спросил напарник «сержанта».

– Он работал один, второго курьера не подключали. Мог, конечно, сбросить половину в какой-нибудь тайник, но с чего? За ним не следили...

– Может, следил кто-то, кроме нас? – предположил «сержант», пытаясь реабилитироваться. – Курьер заметил слежку, избавился от части груза, а затем мы его встретили.

– Может быть, может быть... Значит, камни или в тайнике, или у него. Если в тайнике, нам их не найти. Если у него...

Сидящий замолчал. Игорь непроизвольно втянул голову в плечи. Если половина груза осталась у курьера, то в это самое время бриллианты переключиваются в руки милицейской бригады, прибывшей по вызову.

Шеф явно подумал о том же, потому что качнул лобастой головой и закончил:

– ... А если у него, то уже не у него. Труп камешки ни к чему. Их быстро менты приберут. А что к ним попало, то с возу упало. Да, дороговато мне обойдется ваше разгильдяйство...

Он замолчал, прижав ладонь к столу и покатывая бриллианты вперед-назад. Двое стоящих перед ним в панике ожидали приговора. Если шеф сейчас решит, что именно они виноваты в пропаже половины груза, то им можно забраться на ту крышу, с которой свалился курьер, и сигануть за ним следом.

– Валентин Петрович, может, нам опергруппу тормознуть, отобрать у них вещдоки, – от отчаяния предложил напарник Игоря. Предложение было дурацким, и это понимали все, включая его самого.

– Конечно-конечно, – кивнул шеф.

– А потом они выпили – и тормознули опергруппу. Молчи, раз обделался. Обойдемся без твоих идей.

Он с отвращением взглянул на помощников:

– Вот что: вы сейчас свободны. Исчезните, и чтобы я ваши рожи не видел в ближайшую неделю.

– А как быть со второй частью груза? – отважился спросить Игорь.

– Пускай остается там, где есть. Может быть, это и к лучшему, – загадочно ответил шеф.

– Все, аудиенция окончена.

И когда двое мужчин торопливо вышли, брезгливо бросил им вслед:

– Кретины...

Глава 2

За поливальной машиной тянулся длинный мокрый след, как за гусеницей. Машина тарахтела себе неторопливо по утреннему проспекту, и два белых водяных уса воинственно торчали в разные стороны. Майя остановилась перед рекламным щитом «Ювелирная выставка в Сокольниках» – и, конечно, один из усов хлестнул ее по ногам. Колготки тут же промокли, в туфлях захлюпало.

– Женщина, я извиняюсь! – проорал водитель, приоткрыв дверь кабины.

– Но вы тоже, я извиняюсь, нашли, где стоять!

Майя, не расстроившись, махнула рукой и побежала на работу. Первые покупатели появлялись не раньше одиннадцати, но Моня настаивал, чтобы летом салон открывался в девять. Причем лето для Мони Вермана начиналось в апреле. Он был, кажется, единственным человеком во всей Москве, который твердо верил в это, и ждал такой же убежденности от подчиненных.

Но подчиненные не верили. Им, особенно Майе, весь апрель казалось, что лето вообще никогда не наступит. Будет мокрое, всхлипывающее межсезонье, грязное, как снег на обочинах, а потом сразу ухнет зима – и все пойдет по новой.

Но ровно три дня спустя после окончания апреля в город ввалился буйный, распеваящий во все птичьи глотки май. Дома расправились и помолодели. Витрину ювелирного салона «Афродита» отмыли до блеска, и теперь-то уж никто не сомневался, что лето совсем близко.

– Боже ж мой! – с ужасом воскликнул Моня, когда Майя зашла в магазин.

– Вы посмотрите на эту женщину! Марецкая, ты выглядишь как шлеперка. С тебя можно писать картину «Московский босяк»!

Но ужас его был наигранным. Моне Верману нравилось смотреть на Майю. За последний год она расцвела на его глазах, и Моня не без оснований полагал, что в этом есть и его заслуга. «Подобрали, обогрели», – с легким самодовольством думал он, вспоминая, какой она появилась перед ним: измученная женщина с поникшими плечами и копной черных волос, падавших ей на лицо.

От лохматой копны Майя избавилась на третий месяц работы в «Афродите», и Моне открылось чудо: точеное лицо с нежной кожей и яркими синими глазами. Увидев помощницу в новом облике, Верман потерял дар речи, а ехидный Сема тут же посоветовал ему закрыть Марецкую в кабинете и не выпускать на глаза посетителям, чтобы те не похитили их красавицу.

Клиенты и в самом деле засматривались на коротко стриженную брюнетку с узкими запястьями и тонкими пальцами. Но Майя работала вдохновенно, не обращая внимания на окружающих, и вскоре Моня успокоился: его находка оставалась при нем.

На крики Вермана из-под прилавка выглянул Яша. Рыжий лохматый Яша окинул взглядом Майю и пожал плечами.

– Дядя Моня сегодня не в духе, – пояснил он.

– Его укусила муха, которая встала не с той ноги. Вы можете себе представить?

Верман шикнул на племянника, и худой Яша, сложившись, точно складной метр, снова исчез под прилавком.

– А, это ты, уточка! – приветствовал Майю Сема Дворкин, выбираясь из своей комнатки.

– Моня, что ты такой заведенный с утра, как будильник? Почему наша Майя – босяк?

– С вами будешь заведенный. Вы мне рвете нервы, Сема, и не по одному разу. Посмотри на ее ноги. Нет, ты посмотри на ее ноги!

– Зачем мне смотреть на ее ноги? – возражал Сема.

– Я пожилой человек, мне вредно волноваться, а от таких прекрасных ног любой станет не в себе.

– Да они мокрые!

– Это неприятность, да, – соглашался Сема.

– Но такое с каждым может случиться. Вот, помню, лежал я в Морозовской больнице...

– Все! – завопил Верман, заткнув уши.

– Марецкая! Живо за работу! И переодень свои ноги, я тебя умоляю!

Майя, смеясь, прошла в комнатку. Рабочий день начался.

Сема и Моня снова препирались о чем-то возле витрины. Оба маленькие, толстенькие, лысые, только Семину лысину обрамляли торчащие волоски, а вокруг плечи Мони вились черные кудряшки.

Про себя Майя называла их Шалтай и Болтай. Еще они походили на героев «Алисы в стране чудес», Труляля и Траляля, вечно спорящих близнецов. Самое смешное заключалось в том, что Моня и Сема даже не были родственниками.

Яша снова вынырнул наружу, укоризненно посмотрел на дядю. Верман взял его на работу всего пару месяцев назад. По мнению Яшиной мамы, ее сын был жутко талантлив: он выучился в Москве на химика и даже уехал работать в Китай. Однако через год вернулся обратно – без денег, одичавший и голодный. Облившись слезами над сыном, мама упросила Моню помочь мальчику.

О своей прежней жизни Яша говорил неохотно. У Майи сложилось впечатление, что в Китае он что-то натворил и сбежал от сурового китайского правосудия. Что бы это ни было, но с тех пор меланхоличный Яша вел себя тихо, а с дядей пререкался исключительно из любви к искусству.

Правда, имелся у них один постоянный повод для стычек. Повод назывался «Кулек и Повар».

Под этими живописными кличками скрывались два Яшиных приятеля: Данила Кульков и Коля Порошин. Оба – источник непрекращающейся головной боли для

Мони Вермана.

Данька Кульков получил свое прозвище вовсе не из-за фамилии. У мелкого, тощего парнишки вечно были полны карманы семечек. В свободную минуту Данька основательно усаживался на корточки, вытаскивал пригоршню и поклевывал, лихо сплевывая шкурки. Чисто голенастый воробей, поглядывающий на свою стаю орлом.

Как-то раз эту картину увидела, возвращаясь из школы, учительница русского языка и литературы.

– Фу! – осуждающе сказала она.

– До чего же бескультурно! У вас даже руки черные от этой гадости. Заплевали все вокруг! А ведь вы умные, воспитанные мальчики!

«Умные, воспитанные мальчики» глумливо заржали. Все, кроме Даньки. Он цыкнул на остальных и заверил, что такое больше не повторится.

Через несколько дней учительница вновь обнаружила Данилу, сидящего в любимой позе возле школьного забора.

– Кульков! – трагически воскликнула она.

– Как же так?!

– Спокойно, Верыгнатъевна, – веско сказал Данька. Распрямился, предъявил оторопевшей учительнице газетный кулек и лихо сплюнул туда шелуху.

– Во! Все культурно, как в музее!

И с тех пор всегда таскал с собой сложенную газету, из которой мастерски крутил кулечки. С того же дня прозвище «Кулек» прицепилось к нему крепко-накрепко, как застрявшая в зубах шелуха.

Его закадычный приятель, Коля-Повар, заработал свое прозвище раньше. Коля Порошин был здоровенным увальнем с огромными руками-лопатами и круглой,

как колобок, головой. Он производил впечатление глуповатого безобидного парня. Но дразнить его опасались: Коля тут же выходил из себя и молотил тяжеленными кулаками, как взбесившаяся мельница, не разбирая, куда попадет. За пару драк его чуть не исключили из школы, но отстояла мать – такая же большая, похожая на гренадера женщина. Щуплого Кулька Порошин слушался беспрекословно, признавая за товарищем ум и находчивость.

Однажды у мальчишек отменили урок труда, и пятнадцать оболтусов согнали в класс к девочкам. Девочки в передниках учились варить суп.

Неожиданно для всех Порошин присоединился к ним. На него с хихиканьем нацепили передник, и Коля увлеченно взялся за поварешку. Десять минут он помешивал борщ, стоя спиной к классу и игнорируя шуточки. Когда же пришла пора дегустировать готовое блюдо, оказалось, что дегустировать почти нечего: Порошин незаметно выхлебал всю кастрюлю.

– Ну ты... повар! – заявила ему разгневанная учительница.

– Иди отсюда! Безобразие!

Так Коля Порошин стал Поваром.

Два товарища были знакомы с Яшкой еще со школьных лет. Как могли сойтись два подростка из неблагополучных семей и рафинированный еврейский мальчик, увлекающийся химией, никто не мог объяснить. Но в свободное от Яшкиных опытов время они вместе шатались по дворам, к ужасу и возмущению Яшиной мамы.

Через несколько лет пути их разошлись: Яша, окончив институт, уехал в Китай, а Кулек и Повар то болтались без дела, то находили какие-то сомнительные занятия. Когда племянник Вермана вернулся в Москву, оба приободрились: свои люди да на теплом местечке в ювелирном салоне! Яша поможет им устроиться! Они тоже могут торговать этими... как их... брюликами.

К их великому огорчению, Моня Верман так не считал. Моня Верман синел как подавленный, когда на пороге появлялись две знакомые фигуры. Он запретил им приходить, но это не помогло: Данька с Поваром поджидали Яшу на заднем дворе, потягивая пиво, грызя семечки и смачно сплевывая их в газетный кулек.

- Как ты можешь с ними общаться?! – кричал Моня на племянника.
- Что у вас общего, я имею спросить?! Они поведут тебя плохой дорогой, Яков!
- Дядя, не мельтешите! – просил Яша.
- Какой дорогой, когда они смиренно сидят в глубокой заднице?
- И ты обязательно хочешь сесть с ними рядом?!
- Я просто хочу попить с ними пива! Имею право?

Эти споры повторялись регулярно, но ничего не менялось: Кулек с Поваром невозмутимо пили пиво, Яша ожесточенно сражался с дядей за право составить им компанию, а Моня кипел и булькал, как камчатский гейзер, но поделаться ничего не мог.

Майя села за свой стол, разложила срочные заказы, поглядывая в салон. В их с Семей камерке одна стена и дверь были стеклянные. Моня Верман утверждал, что клиентам нравится смотреть на работу ювелиров. А Майя любила исподтишка наблюдать за посетителями салона «Афродита».

Это место было хорошо известно в Москве. Владел им предприниматель Аман Купцов, хозяин сети недорогих ювелирных магазинов. Но «Афродита» стояла особняком среди них.

Сюда наведывались настоящие ценители камней, сюда приносили украшения на переделку, сюда шли купить стоящие бриллианты, которые Моня разыскивал по всему миру.

В конце концов, здесь хозяйничал Моня Верман!

- Сема, к нам по проспекту телепается какая-то баба, – нараспев сообщил Верман.

- И я чувствую, она идет не за просто так.

- Фу, Моня, что за жаргон, - поморщился Сема.

- Да, я вижу даму. Дама благородной наружности, чтоб я так смотрелся, как она.

- А шо я такого сказал? - возмутился Моня.

- Шо такого? Я разве спорю, что это дама? Моя тетя Рая из Одессы выглядела очень даже похоже до тех пор, пока не переехала на Брайтон-Бич.

- А что с ней случилось на Брайтон-Бич? - заинтересованно спросил Яша.

- Да помэрла, - флегматично отмахнулся Моня.

- Не вынесла расставания с малой родиной. Порвалось сердце от грусти.

- Что ты говоришь, Моня! - воскликнул Сема.

- Твоя тетя Рая из Одессы скончалась оттого, что в нее врезался молочный фургон на переезде.

- Вот я и говорю, - подхватил Моня.

- Сердце разорвалось от грусти. Разве мог в Одессе въехать в тетю Раю какой-то поц на фургоне?

Звон колокольчика положил конец их спору. Дверь широко распахнулась, впуская внутрь посетительницу в облаке духов и автомобильной гари.

Сема с Мoneй, утратив всю шутливость, одновременно поклонились вошедшей, и первый исчез в подсобной каморке, где сидела Майя, а второй выжидательно замер за прилавком. Яша, повинуясь незаметному знаку дядюшки, притулился в углу и не отсвечивал: учился.

Дама благородной наружности, как выразился Сема, хоть и несколько мужеподобная, твердыми шагами прошла к витрине, не ответив на приветствие, и нависла над ней. Глаза навывкате впились в украшения, выложенные на темно-синей подложке. Пальцы в бархатных перчатках слабо шевелились, будто самостоятельно решая, что же схватить. На среднем пальце, плотно насаженный на ворсистую ткань, красовался толстый, как шмель, перстень с хризолитом.

Все ждали выхода Мони. Но Моня пока молчал. Другой на его месте уже давно поинтересовался бы, чего хочет клиентка, но Моня молчал: почтительно, внимательно, но без малейшего оттенка выжидательности. Боже упаси торопить покупательницу, боже упаси!

Это было не томление консультанта, мающегося от безделья и ждущего – когда же, когда же, наконец, к нему обратится медлительный клиент. Нет, Моня Верман молчал профессионально, делая вид, будто занимается своим делом в трех шагах от дамы, но в то же время неуловимыми флюидами давая понять, что он здесь, рядом, готов в любую секунду прийти на помощь. Как рыбак, подстерегающий крупную рыбу, он опасался раньше времени дергать наживку.

Тишина затягивалась. Со стороны это могло бы показаться проявлением неуважения, но Майя видела: Верман работает, и он лучше всех знает, что делать.

Наконец покупательница пришла в движение. Как башня танка, она начала неторопливо поворачиваться к продавцу, и Моня тотчас исчез с того места, где он стоял, и материализовался напротив дамы: скромный, послушный ее приказу.

– Мадам желает что-то посмотреть? – с невыносимо еврейским, карикатурным прононсом осведомился он.

– Какое из украшений заинтересовало мадам?

Откуда ни возьмись, появилась у Мони дикая картавость. Движения стали суетливыми, и сам он ссутулился и будто бы даже уменьшился.

Никто не выказал ни малейшего удивления: если Моня считал нужным кривляться, значит, следовало принять это как должное.

- Покажите изумруд, - величественно приказала дама, снимая перчатку.

- Вот этот.

- Прекрасный выбор, прекрасный! - льстиво одобрил Верман.

- Я уже заметил по перстню, что у мадам отменный вкус! Вот, пожалуйста, прошу вас!

Кольцо с изумрудом уселось на палец левой руки. Дама вытянула руку, окинула взглядом картину: мясистый розовый палец и нежный зеленый изумруд.

- Роскошно, - только и сказал Моня, понизив голос.

- Дайте-ка мне бирку, - потребовала дама, не снимая кольца.

- Что у вас за камешек?

- Бесподобный камень, - с тихой укоризной отозвался Верман.

- Бесподобный.

- Да у вас все бесподобное, - фыркнула покупательница.

- Врете, поди.

- Мадам сомневается не во мне, - строго ответил Моня.

- Мадам сомневается в своем вкусе. Как можно! Прошу, обратите внимание.

Он провел пальцем по строчке, и они оба склонились над ценником.

- Я не говорю вам за чистоту, - покачал головой Моня.

– Ваши глаза не обманешь, вы сами видите, какой чистоты этот камень. Ваш супруг, дай бог ему долгих лет жизни, умрет, когда увидит его! Но я скажу вам за караты. Посмотрите, вы видите это число? Все будут видеть это число, поверьте! Будут глядеть огорченными глазами и плакать, потому что не каждый может позволить себе носить изумруд в два с половиной карата.

– А где его гранили? – проявила осведомленность дама.

– А как вы думаете?! – воскликнул Верман.

– Конечно, Колумбия! Он оттуда родом, как Христофор Колумб и Паганини. У нас, поверьте, вы не найдете таких камней! Когда-то были на Урале, но где сейчас тот Урал? За уральским хребтом и дальше, боже ж мой. А вы слышите, как он поет? Слышите? Это песня весны, поверьте мне, старому человеку!

Дама внимала. Она уже кивала, соглашаясь с картавой скороговоркой, уже другими глазами смотрела на кольцо.

Перед Майей разворачивался театр одного актера. Моня обладал невероятной способностью продать кому угодно что угодно. Но этот талант был лишь верхушкой айсберга, практическим применением другого, более глубокого и объемного.

Верман феноменально разбирался в людях. Он читал их, как научившийся читать ребенок читает вывески: жадно, торопливо, крайне редко ошибаясь в незнакомых буквах или непривычном написании. Как старая гадалка определяет прошлое и будущее, угадывая их не по картам, а по облику клиента, так и Моня имел наметанный глаз, невидимым лучом сканирующий любого.

Проницательность его поначалу казалась Майе сверхъестественной. Случалось, Верману хватало одного взгляда на вошедшего, чтобы шепнуть Яше: «Твой клиент». Почти всегда это означало, что он не желает тратить время на бесперспективного посетителя. И всегда оказывался прав.

Со временем Майя начала понимать, что это не так сложно, как кажется на первый взгляд. Выражение лица, одежда, манера держаться могли сказать о многом. Она сама научилась отсеивать владельцев спортивных костюмов, заскочивших в магазин по ошибке, и компании смешливых женщин, забежавших

полюбоваться на украшения без цели купить их. Научилась распознавать, кто уйдет с покупкой, а кто останется разочарованным их ценами.

Но до Мони, как говорил Сема, всем им было далеко, как до Монблана. Он был недостижим. Он обладал самым главным чутьем: безошибочно определял, кого можно обманывать, а кого нет.

Колокольчик вновь прозвенел, дверь закрылась. Моня перевел дух и с торжествующей улыбкой оглядел сотрудников.

- Что ты ей втюхал? - осведомился Яша, когда покупательница с кольцом скрылась из виду.

- Почему сразу втюхал? - ошетинился Верман.

- Яков, женщина сама выбрала вещь, ушла счастливая! Откуда такие подозрения? Она считает, что понимает в камнях. Зачем я буду ее разубеждать?

- А она не понимает? - спросила Майя.

Сема рассмеялся, а Верман воздел руки к потолку:

- Боже ж мой, дама так же разбирается в изумрудах, как я в страусином помете! Ты видела, на что она посмотрела в первую очередь? На караты. А что самое важное в изумруде?

- Цвет, - не задумываясь, ответила Майя.

- Именно. А в бриллианте?

- Чистота и огранка.

- Вот! Запомни, деточка: каждый имеет тот камень, которого заслуживает.

- Ага! - снова встрял Яша.

– А Колумб и Паганини чем заслужили такую родину?

– Ой, да я вас умоляю! – пожал плечами Моня.

– С того Колумба не убудет, а дама ушла, повысив свою образованность.

Пока Верман спорил с Яшей, Сема тихо сказал, подняв очки:

– Ты поняла, что он ей продал?

– Имитацию? – так же тихо отозвалась Майя.

– Или дублет?

– Э-э, нет, камень-то настоящий. Даже не синтетика. Только вот тресковатый. И мутный. Я его славно обработал, все дефекты ушли под оправу. Моня давно хотел от него избавиться, больно уж он выделялся.

Дворкин улыбнулся и вернулся к своей работе.

Сема Дворкин – огранщик. Моня говорил, что Сема – гениальный огранщик, но тот всякий раз скромно поправлял: «Не гениальный, Моня, не гениальный. Говори просто: великий».

Для Майи Дворкин оказался неисчерпаемым источником информации. О камнях он знал все.

– Знаешь, девочка, как раньше гранили бриллианты? Друг об друга, да-да, представь себе! Ах, какой неразумный расход сырья! Алмазы закреплялись в станках и терлись один об другой. А первый гранильный станок появился только в начале нашего века. То есть прошлого века, конечно же! Все никак не могу привыкнуть, что живем в двадцать первом. Слишком много вокруг анахроничного.

– Например?

– Например, я. А что ты смеешься? Граню по старинке, без всяких новомодных лазеров, работаю медленно... Да, допотопное я чудовище.

«Допотопное чудовище» учило Майю хитростям ремесла ювелира. Как-то раз она обратила внимание на комплект с изумрудами – серьги и кулон в форме дельфина – и восхитилась работой мастера.

– Накоплю денег и куплю себе такой, – пообещала она.

Сема крикнул, достал лупу и усадил Майю рядом.

– Посмотри-ка, уточка, поближе на эту красоту. В кулоне – дублет. Видишь?

Майя непонимающе вскинула брови. Камень как камень, зеленый, прозрачный.

– Сработано неплохо, сразу и не заметишь, в чем подвох. Но если ты будешь внимательно смотреть своими ясными глазами во-о-т сюда...

И тут Майя увидела. Тонкая линия, похожая на трещину, рассекала камень на две неравных части.

– Здесь не один камень, а два, – объяснил ювелир.

– Сверху – настоящий изумруд, только махонький. А к нему приклеен другой камень, куда дешевле. Думаю, сюда пошла синтетическая шпинель. Но сколько стоит та шпинель, и сколько – изумруд! Улавливаешь мысль, птичка моя?

– Улавливаю, – пробормотала изумленная Майя.

– Плоскость склеивания легко найти, поэтому ювелиры стараются прятать ее в оправу. Платишь за двухкаратный изумруд, а получаешь того изумруда на треть карата. Остальное – пшик!

– Его на самом деле склеивают?

– А как же. Не клеим ПВА, ясное дело, а специальной пастой. Цвет в тон подбирают – и вот вам здарсьте, камешек будь здоров! Теперь давай твои сережки поглядим.

Дворкин приблизил лупу к зеленым камешкам.

– Вот тебе один, курочка, а вот и второй, – пробормотал он.

– А с этими что? – с горечью спросила Майя.

– Тоже склеенные?

– Нет, эти – синтетические. В лаборатории их вырастили, этих красавцев. Стоят в десять раз дешевле настоящего изумруда, но не в цене дело. Скажем, синтетические бриллианты почти такие же дорогие, как и настоящие. Но только они все мертвые. Души в таком камне нет, вот что я тебе скажу. И никаких свойств, какие настоящему изумруду присущи.

– Как вы определили, что они синтетические? Я думала, только анализ может сказать наверняка.

– Трещинки у синтетики не так расположены, как у живого камня. Ты права, анализ нужен, но у меня уже глаз набитый на это баловство.

Сема пренебрежительно отложил украшения в сторону и закончил:

– Видишь, старый Дворкин сберег немножко твоих средств.

К Моне Верману приходили самые разные посетители. Время от времени захаживали старухи, закрывались в кабинете с Моне и подолгу шептались с ним о чем-то. Красивый старик с великолепным римским профилем появлялся в «Афродите» раз в неделю, осведомлялся о чем-то у Мони и неторопливо покидал салон. Со всеми старичками Верман был приветлив и терпелив.

Наблюдая за ним, Майя однажды не смогла сдержать удивления.

– Что он выплясывает вокруг них, как родная внучка? Вы замечали, Сема? Определенно, ему что-то нужно от них...

– Может быть, может быть, – покладисто согласился ювелир.

– Хотя все-таки больше им от него. Все знают, что Верман дает хорошую цену там, где другие дают плохую.

– Так он скупает у них драгоценности? – догадалась Майя.

– Случается. Ты же знаешь, в этой стране такие пенсии, что на них можно прокормить средних размеров кота. Но средних размеров пенсионера на них не прокормишь. И они вынуждены расставаться с вещами, которые им дороги. Ты удивишься, голубка, когда узнаешь, какие украшения порой приносят с собой эти пожилые господа и дамы.

Как раз в этот момент из кабинета выплыла вслед за своим длинным носом старуха в рыжем парике. Не удостоив никого вниманием, она проследовала к выходу. Майя проводила ее восхищенным взглядом и обернулась к Семе, требуя комментариев.

– Вдова одного солидного человека, – пояснил тот.

– Покойный супруг занимал важный пост, они часто ездили за границу еще в те времена. У нее любопытная коллекция, и она постепенно распродает ее, но самые ценные экспонаты оставляет на десерт.

Из кабинета выбрался Верман, услышал последние слова Семы и скривился:

– Я раньше помру, чем дождусь десерта.

Но Майя видела, что он доволен.

– Значит, что-то приобрел, – подтвердил ее догадку Дворкин. – Видишь ли, голубка... Каждый настоящий ювелир мечтает найти камень-легенду. Не важно, какими путями! Такие камни сами выбирают себе хозяина, и в один прекрасный миг они могут оказаться и у нас в руках.

Майя улыбнулась, но промолчала. Этот зачин о камнях-легендах она слышала уже не в первый раз.

Случалось, что в волнах исторических бурь, переворачивавших жизни людей, пропадали именные камни – те, которые заслуживали своего собственного имени, а не только описания в сухих цифрах. Восемнадцатый и девятнадцатый века оказались особенно богаты на такие потери. Но иногда редкие драгоценные камни всплывали вновь. Эти случаи, пусть и вполне правдивые, пересказывали как легенды.

Только теперь Майя догадалась связать интерес Мони к старикам с тем, что рассказывал Дворкин.

– Сема, вы действительно считаете, что кто-то из наших визитеров может хранить у себя одно из когда-то пропавших украшений? – с сомнением спросила она.

Сема задумался.

– Кто может сказать наверняка... – наконец медленно сказал он. – Истории известны удивительные случаи подобных находок. Карбункул «Элизабет», пропавший в семнадцатом веке, был найден два столетия спустя, когда внуки разбирали наследство за старой прабабкой. Почему бы и в наше время не случиться такому...

– ...чуду, – закончила Майя.

– Удаче! – поправил Сема.

– Такой удаче! Ведь есть же где-то тайник, в котором хранится «Голубой Француз». Или не тайник, а обычная шкатулка. Быть может, его нынешний владелец и не представляет, какой ценной вещью он обладает. Сапфир «Небесный свет» долгое время считали простой стекляшкой и давали детям поиграть.

Майя нахмурилась, пытаясь вспомнить, что она слышала о «Голубом Французе».

- «Француз» – это бриллиант, да?

- О, еще какой! – воодушевленно отозвался Сема.

- Не очень крупный для таких камней, всего около двенадцати карат, но чистый, как родниковая вода. А главное – цвет! Его называли «божественный голубой». Тавернье привез откуда-то из копей Индии огромный алмаз в сто двадцать карат без малого – если не врал, конечно. Он был тот еще хитрец, этот охотник за драгоценностями! Утверждал, что приобрел его в алмазных приисках Голконды, где можно встретить камень величиной с голову взрослого человека. Ему подвернулся поменьше, размером всего лишь с дыню, но изумительного голубого цвета, чистейший, как небеса над морем.

Майя попыталась представить алмаз размером с дыню. С «торпеду»? Нет, невозможно! Наверное, с «колхозницу».

- Все равно огромный... – пробормотала она.

- Не то слово! Три королевских двора Европы состязались за право стать обладателями такого удивительного сокровища. Победила, конечно, Франция. Лучшие драгоценности в то время принадлежали французской короне, и Людовик не мог упустить такой случай! Голубой алмаз – что могло больше подходить его королевскому величеству?

Майя слушала Дворкина, забыв про свою работу.

- И его ограничили?

- Э, нет. Ювелир короля сделал из него то ли три, то ли четыре бриллианта – точных сведений нет. Два из них получили название «Большой Француз» и «Малый Француз» и стали украшениями короля, третий был выкуплен и сложным путем попал в Россию, а о судьбе четвертого ничего не известно. Думаю, мы о нем никогда не услышим.

- А что стало с другими?

– Оба «француза», и большой и малый, были украдены в конце восемнадцатого века из королевской сокровищницы. Революция, голубка, что ты хочешь! Сокровища охранялись, но воры откуда-то узнали о потайном ходе, который вел из королевского кабинета. О, это оказались удивительно подкованные воры: они унесли только самое ценное, не тратя время на золото и серебро. Что стоимость золотого сервиза Людовика против стоимости рубинов в одном-единственном ожерелье королевы «Мантия Венеры»! И похитители об этом знали.

– Кто-то рассказал им, что нужно брать.

Сема кивнул:

– Или с ними был кто-то, понимающий в этом деле. Между прочим, обвиняли не кого-нибудь, а самого принца Георга, но доказательств так и не нашлось. «Большой Француз» – почти семьдесят карат! – исчез, и следов его не осталось. А вот с Малым все не так просто...

Дворкин придвинулся к Майе и заговорщически шепнул:

– Считается, что он тоже пропал бесследно. Но...

Сема сделал театральную паузу.

– Что «но»? – не выдержала Майя.

– Но я видел его на парадном платье императрицы Александры Федоровны, – обычным голосом сообщил Сема.

Майя опешила. Ей представился маленький Сема в нелепом фраке, теряющийся в великолепной дворцовой зале. Свечи, тихий шепот, шуршание платьев... Мимо него проплывает Александра Федоровна, и ювелир провожает внимательным взглядом голубоватый бриллиант, сияющий на груди императрицы.

Морок спал, и Марецкая сердито качнула головой.

– Семен Львович, вы меня дурачите! – воскликнула она.

– Ничуть, птичка моя! Однажды меня занесло в запасники Третьяковки (не спрашивай, что я там делал, расскажу в другой раз эту поразительную историю), и там я увидел портрет супруги Николая Второго. Портрет – ерунда, ничего выдающегося. Но художник тщательнейшим образом перенес на полотно все детали ее гардероба. О «Малом Французе» известно, что для него использовалась не круглая огранка, а «маркиз» – клиньевая, в форме лодочки. Так вот, к серебристому торжественному платью Александры была приколата брошь с голубым камнем, ограненным именно этим способом. Но в России тех времен не использовалась подобная огранка!

– Вы думаете... – начала Майя, но Дворкин перебил ее:

– Третий бриллиант, получившийся из алмаза Тавернье, отправился в Россию и был вставлен в перстень императрицы Марии Федоровны. Он дошел до наших времен и хранится в Алмазном фонде. Почему бы не предположить, что второй, украденный, последовал его путем? В архивах мне удалось найти упоминание о загадочной броши с голубым камнем, принадлежащей Александре. Камень называли «Голубой Француз». Не кажется ли тебе, что название говорит само за себя?

– Поразительно... – выговорила Майя.

– Так, значит, он в России!

– Не факт, – охладил ее пыл ювелир.

– После расстрела царской семьи множество украшений исчезло, и «Голубой Француз» в их числе. Что интересно – сама брошь сохранилась. То есть бриллиант был либо вынут, либо выпал из нее. И с тех пор нигде не появлялся. Ничего, ничего даже близко похожего – поверь, в противном случае я бы узнал об этом!

Дворкин откинулся на спинку стула, притушил блеск в глазах. Охотник за пропавшим бриллиантом снова превратился в смешного толстенького ювелира.

Майя несмело спросила:

- И как вы думаете, где он может быть сейчас?

- Думаю, лежит в бархатной коробочке, и его владелец не подозревает о том, что хранит. Или валяется вперемешку с золотым ломом и серебряными зубами прабабушки. Его могли украсть солдаты, расстрелявшие императорскую семью, и тогда сам черт ногу сломит в хитросплетениях судьбы этого камня. Знаешь, есть хороший афоризм: «Пусть драгоценность валяется под ногами, а стекло украшает голову – драгоценность все равно остается драгоценностью, а стекло стеклом». В одном я отчего-то уверен: «Голубой Француз» до сих пор в России.

Он потер руки и закончил:

- Теперь ты понимаешь, почему Верман с таким почтением относится к нашим трухлявым пням и колодам, дай бог им долгих лет жизни? Никогда не знаешь, что найдешь в бабушкином сундучке!

Как-то раз постоянный клиент принес в салон крупный изумруд и отдал Моне с просьбой проверить его.

- Экономный человек, я понимаю, – проворчал Верман, кладя камень перед Дворкиным.

- Экспертиза ему будет чуть-чуть стоить, и вот он идет к Моне, чтобы Моня сделал ему хорошо. Ну что же, Моня сделает ему хорошо. Моне не жалко потратить немножко своего времени, чтобы...

- Почему бы тебе не помолчать за компанию с Яшей, – недовольно осведомился Сема, разглядывая камень со всех сторон.

- Ты же не обманутый вкладчик, зачем столько шума!

Он провел над изумрудом пятнадцать минут и отложил его в задумчивости.

- Что вы скажете за эту ерундовину, Сема? – поинтересовался Верман.

- Я скажу, Моня, что чую подвох. Но не пойму, в чем он.

- Но таки это изумруд?

- Моня, на мне написано, что я эксперт? - раздраженно спросил Дворкин.

- Если да, то скажите, в каком месте, чтобы я мог помыть его с мылом и не обманывать людей. Если вы хотите гарантий, то их могут дать только геммолог и гробовщик. А я простой ювелир, мне вредно так напрягаться.

Наступило молчание. Сема барабанил пальцами по столу, не сводя глаз с зеленого камня.

- Цвет неплохой, - бормотал он себе под нос.

- Даже хороший цвет.

- Да и огранка ничего, а? - заискивающе спросил Моня.

- Огранка - ничего, - согласился Дворкин.

- Перекрученных вуалей внутри нет, значит, не синтетика. Камешек на первый взгляд вполне себе натуральный.

- Так, может, все в порядке? - просиял Верман, услышав это.

Сема думал. Камень лежал перед ним, похожий на осколок зеленого льда.

- А нет ли у нас совершенно случайно стирального порошка? - вдруг задумчиво спросил Сема и поглядел на Моню через лупу.

- М-м?

Тот вскинул брови.

- Или хорошего мыла, - продолжал Сема.

- Такого, знаете, старой закалки мыла. Есть?

- Неужели вы нашли надпись? – съязвил Верман.

- Моня, бросьте говорить и бегите за порошком, – невозмутимо посоветовал Дворкин.

- А то я не ручаюсь за ваш камень.

Верман немедленно испарился, и через пару секунд они услышали, как он отражает Яшу в ближайший хозяйственный.

- Зачем вам порошок, Семен Львович? – спросила Майя.

- Не будете же вы стирать этот изумруд?

Дворкин лукаво посмотрел на нее и подмигнул:

- А почему бы и нет, уточка моя?

Майя слегка обиделась. Обычно ювелир отвечал на все ее вопросы, и ей даже казалось, что ему нравится обучать ее. Что ж, она не будет переспрашивать.

Майя мучилась с янтарным ожерельем, которое принесли на переделку. Работа была несложной, но у нее никак не получалось вставить один янтарь на свое место. Камушек «не расцветал», как говорил Сема. Она никак не могла понять, почему. Хотела спросить у Дворкина, но теперь, после его шутки, решила, что обойдется своими силами.

Примчался запыхавшийся Яша с пакетиком стирального порошка. Его рыжая шевелюра полыхала в лучах солнца.

- Для ручной стирки, дядя Сема! Подойдет?

- То, что надо, Яша.

Майя исподтишка следила за тем, что будет делать Дворкин. Моня стоял в дверях, сложив руки.

Сема взял чашку, развел в воде стиральный порошок и преспокойно опустил туда изумруд.

- Э-э! - встрепенулся Моня.

- Не экайте, Верман, - попросил Семен Львович.

- Вы мешаете эксперименту.

Майя, забыв об обиде, смотрела во все глаза.

Подождав несколько минут, Сема вытащил камень, положил на стол и направил на него свет. Еще несколько секунд прошло в сосредоточенном молчании. Майя и Моня замерли, открыв рты, а за Мoneй торчал и заглядывал через плечо Яша, забыв про свои обязанности.

- Картина маслом! - торжествующе провозгласил Сема и хлопнул ладонью по столу.

Изумруд подпрыгнул, и Моня подпрыгнул вслед за ним.

- Ты что?! - воскликнул он.

- Скажи по-человечески, что ты нашел?

- Я тебе и говорю по-человечески, в прямом смысле: картина маслом! Иди и посмотри.

Все четверо сгрудились над изумрудом. Майя взглянула на чашку с порошком:

- А что это за зеленые разводы?

- Масло, - рассмеялся Дворкин.

- Моня, можешь сказать своему клиенту, что он купил натуральную масленку.

Майя поднесла камень к глазам. Теперь она отчетливо видела внутри изумруда пузырьки воздуха и трещины.

- Хитрецы, - заметил Сема.

- Пропитали изумруд маслом с красителями, заполнили пустоты. Маскировка! Слыхал я про такой способ, но думал, что им уже сто лет никто не пользуется.

- Вы растворили масло! - догадалась Майя.

- Вот зачем порошок - вместо растворителя! Моня, вашего клиента надули.

Верман пожал плечами:

- Это разве надули? Эх, Марецкая, не знаешь ты, что такое надули...

Они с Семой переглянулись, и в глазах обоих мелькнуло мечтательное выражение.

- Дядя Моня, без ностальгических воспоминаний, пожалуйста, - попросил Яша.

- Мы все знаем, что по вас плачет уголовный кодекс.

Вопреки ожиданиям Майи, Моня не рассердился. Он лишь погрозил племяннику пальцем:

- Яков, Яков! Моня Верман - хитрый человек, но он не вор. Я помогаю обмануться тем, кто сам обманываться рад. И только!

Загадочно улыбнувшись, он забрал изумруд и ушел звонить клиенту.

- Даже не верится, сколько существует способов морочить покупателей, - задумчиво сказала Марецкая.

- А ведь этот изумруд наверняка стоил его владельцу приличную сумму.

– Это что... – протянул Сема.

– Ты знаешь, что в Китае какой-то местный китайский умелец изобрел способ заполнять трещины и пустоты? Причем таким образом, что обнаружить это практически невозможно! Нужен очень сложный анализ, который покажет, что бриллиант обрабатывался искусственно. Понимаешь, уточка, что это значит для ювелиров?

Майя понимала. В любом драгоценном камне есть включения – внутренние повреждения. Трещины, пузырьки воздуха, слоистость, черные точки... Десятки лет ювелиры пытаются найти способы избавиться от них. Чем чище камень – тем выше цена! Но способы эти либо дорогостоящие, либо граничат с обманом. Человек, который придумал бы, как за умеренную стоимость «очищать» драгоценные камни, обогатился бы. И обогатил тех, на кого работал.

– Пойдите, Семен Львович! – спохватилась она.

– Но если бы это было правдой, к нам из Азии уже всю бы шли обработанные таким способом алмазы! А я пока не наблюдаю на рынке большого количества чистых бриллиантов.

– Так в том и дело, – вздохнул Сема.

– По слухам, отдельные группировки их китайской триады передрались между собой за право первыми внедрить этот способ в производство, и желтолицый изобретатель сбежал, унеся с собой секрет. Решил остаться бедным, но целым. И я его где-то понимаю. Но – ах, какую технологию потерял ювелирный мир!

Майя обдумала его историю.

– А мне кажется, что все это выдумки, – наконец сказала она.

– Извечная мечта ювелиров, воплощенная в сказке об умном человечке. Человечек один нашел то, над чем бьются целые лаборатории! Семен Львович, это тоска по настоящему герою, вот только герой не пришел-увидел-победил, а пришел, изобрел и убежал.

– Вовремя сбежать и оставить шкурку целой – это своего рода подвиг! – моментально отреагировал Дворкин.

– Может быть, ты и права. Легенда о святом Граале ювелирного дела... А что ни говори, было бы здорово найти его.

– Да вы романтик, Семен Львович!

– Увы, уточка моя, в моем возрасте романтиком уже быть нельзя. Романтичны могут быть лишь юные! «Старый романтик» – это деликатное обозначение старого дурака.

Дворкин, напевая под нос, положил перед собой два алмаза и прищурился. Майя вернулась к своему янтарю и обхватила голову руками. Солнечные, медовые кусочки янтаря словно дразнили ее. Она любила янтарь и всегда успешно работала с ним. Отчего же сейчас ничего не получается?

– Уточка, подай планшайбу и угломер, – попросил Сема.

– А что ты сидишь загадочная, как Мона Лиза?

– У меня работа не идет, – призналась Майя.

– Дай-ка взглянуть...

Семе хватило одного взгляда, чтобы понять, в чем загвоздка.

– Не ложится камешек, – пробубнил он, почесывая в затылке.

– А вот так пробовала? Нет, нехорошо. А вот так? Гм, опять не то. Странно...

– Вот именно, странно! Вы тоже замечаете, правда? И я никак не могу понять, в чем причина! Янтарь практически одинаковый, подобранный, весь из родного ожерелья. Мне его принесли уже рассыпавшимся, но какая разница?

– Кто принес? Старушка в черной шляпке?

- Да, она. Вы ее знаете?

Эту старушку Майя окрестила божьей коровкой. Маленькая, круглая, с улыбочивым розовым личиком, она носила красный плащ и черную фетровую шляпку. Плащ топорщился на лопатках, как будто под ним прятались жесткие надкрылья. Старушка неторопливо переползала от витрины к витрине, и Майя не удивилась бы, если бы на крыльце она встопорщила крылышки и улетела.

- Смешная бабусечка, - сказала она с улыбкой.

Сема приподнял очки и посмотрел на нее с осуждением:

- Эта смешная бабусечка - Анна Андреевна Ольховская, между прочим, дочь той самой Ольховской. Как - какой? Бонны детей Николая Второго! Или ты знаешь другую Ольховскую?

Майя не знала никакой, но признаться в этом постыдилась.

- Ее мать расстреляли, а сама Анна Андреевна сумела бежать из СССР. Ее занесло сначала в Марокко, а потом - в Англию. Да по ее приключениям можно писать романы! В Англии она вышла замуж за потомственного аристократа, ездила с ним по всему свету, а когда похоронила его, вернулась в Россию. Между прочим, уехать из страны ей когда-то помог дед нашего Мони Вермана. Все ниточки сходятся, все, рано или поздно...

Дворкин снова нацепил очки на нос.

- Тэ-экс, давай посмотрим, в чем загвоздка. Анна Андреевна коллекционирует янтарь, у нее есть отменные вещички. Но ведь и на старуху бывает проруха. Постой-постой...

Ювелир подержал в ладони тот янтарь, который не давал Майе покоя, подкинул его. Затем взял нож и поскреб им по оборотной стороне янтаря.

- Ах вот оно что! Удачный сегодня день на подделки, уточка.

- Это поддельный янтарь?! - не поверила Майя.

– Как вы определили?

– Смотри сюда. Видишь, я провел ножиком – и с него снимается стружка. Настоящий янтарь дал бы крошку. И есть еще один способ.

Сема набрал воды, высыпал в стакан десять ложек соли, размешал и бросил в воду фальшивый янтарь. Тот, покачиваясь, опустился на дно.

– А теперь давай другой для сравнения.

Второй кусочек всплыл.

– Известный способ, хоть и не стопроцентный, – пояснил Сема.

– Настоящий янтарь плавает, подделка тонет. Правда, будь твоя подделка из полистирола, она бы тоже плавала. Но на этот раз нам повезло. Ожерелье собрали из разных камней, один попался фальшивый. А ты, значит, проверку соленым раствором не знала? Эх, молодешшшь...

И Дворкин вернулся к своему гранильному станку, напевая: «Раз пошли на дело я и Рабинович...»

Глава 3

После работы Майя отправилась не домой, а на старую квартиру, из которой недавно выехали жильцы. Жильцы были хорошие, и Марецкая жалела, что они уехали. С ними она была спокойна за свою квартиру, как будто передала верную собаку на время в хорошие, заботливые руки.

Как только Майя свернула во двор, она сразу почувствовала, что здесь что-то случилось. Марецкая выросла в этом дворе. Но квартира, доставшаяся Майе после смерти отца, была слишком велика для нее одной, и, подумав, она сдала ее, а сама сняла крошечную однокомнатную хрущевку в двух шагах от работы.

Но, хотя вот уже больше года Майя жила в другом месте, она по-прежнему ощущала этот двор как часть себя, как что-то настолько родное и близкое, что, уезжай не уезжай, а связь с ним не рвется, держится натянутой паутинкой, непрочной лишь на первый взгляд.

Павел, которому она попробовала как-то рассказать об этом, с насмешкой обозвал это мистической пуповиной. Все, на что он ставил клеймо мистики, было для него абсурдным и глупым. «Сверхъестественная связь с двориком детства, – вещал Паша и делал пассы в воздухе перед лицом Майи, изображая гипнотизера. – Сейчас вы увидите, как испытуемая разрыдается от переполняющих ее ностальгических воспоминаний, а затем продемонстрирует нам невероятные способности по считыванию энергетических контуров окружающего пространства!»

«Сейчас из второго подъезда кто-то выйдет», – сказала Майя, отводя его руку в сторону.

Павел с готовностью уставился на второй подъезд и даже брови поднял в ожидании того мига, когда станет ясно: нет, никто оттуда не появится, и можно будет дать волю своему чувству юмора. Прошло несколько секунд. Он открыл рот, и тут дверь приотворилась, и немолодая женщина с набитым пакетом деловито прошлепала к мусорным бакам.

Павел обернулся к Майе. «Ты слышала шаги на лестнице», – констатировал он.

Она отрицательно покачала головой.

«Да брось, – настаивал Паша. – Признайся, что слышала! В этом „колодце“ даже пукнуть нельзя, чтобы соседи не были в курсе!»

И вот ведь какая ерунда... Она мирилась с куда большими его недостатками, но последней каплей стал именно тот разговор. Не смешно ли? Обидеться из-за того, что он не поверил ее словам и посмеялся над ней! Правда, Паша над всем смеялся, но почему-то тогда ей стало... нет, даже не обидно, а противно. И его манера передразнивать ее показалась омерзительной, а сам Паша вдруг предстал не двухметровым красавцем в щегольском шарфе, а маленьким злобным карликом, вокруг горла которого обвивается змея.

«Это все двор постарался, – потом решила Майя. – Про змею я сама не смогла бы придумать, у меня фантазии не хватило бы».

Павел так и не понял, отчего она его прогнала. И даже пытался потом выпрашивать у общих знакомых, не появился ли кто у Майки в последнее время. В голове у него никак не укладывалось, что можно порвать отношения из-за таких пустяков! В конце концов он пришел к выводу, что у Марецкой совершенно нет чувства юмора, ей было тяжело тянуться за ним, вот она и дала выход комплексу неполноценности.

И, решив так, полностью успокоился: его достоинство не пострадало.

Но сейчас, стоя во дворе и рассматривая морщинистые стволы лип, только начинавших зеленеть, Майя знала точно: здесь что-то произошло. В воздухе остался след, неуловимый отпечаток чего-то страшного.

Из-за угла вывернула ее соседка, Вера, волоча две тяжелые сумки. Подошла к Майе, откидывая светлые волосы со лба, поздоровалась:

– Как ты? Приехала своих жильцов проведать?

– Нет, Вер, они неделю назад съехали. Хочу посмотреть, нужно ли после них делать ремонт или и так можно сдать.

Майя подхватила одну из сумок, и женщины двинулись к подъезду.

– Знаешь, что у нас сегодня случилось? – спросила Вера. – Кеша-пьяница с крыши упал, разбился.

– Кеша? – ахнула Майя, хорошо помнившая безобидного старого алкоголика. – С ума сойти! Самоубийство?

– Ох, какая-то странная история, честно говоря, – Вера понизила голос. – Катерина Федоровна со второго этажа уверяет, что видела во дворе трех мужчин с пистолетами. Говорит, у них перестрелка была. Но при чем тут наш Кеша, не объясняет.

Майя скептически хмыкнула:

– А в прошлом году Катерина Федоровна рассказывала, что у нас во дворе приземлился истребитель, украл герань у нее с подоконника и улетел.

Они уже поднимались вверх по лестнице. Как ни странно, но ощущение чего-то нехорошего не оставляло Майю и здесь.

– Понимаешь, Май... Выстрелы-то и в самом деле были. Их не только тетя Катя слышала, но и другие соседи. Громкие, на весь район. И действительно непонятно, зачем Кешу наверх понесло. Разве что он убегал от кого-то...

Они остановились в тамбуре, Майя протянула соседке сумку, встряхнула рукой:

– Что у тебя там? Кирпичи?

– Купила нашим детям кое-что по мелочи, – улыбнулась Вера. – Завтра к ним поеду.

Майя знала, что «нашим детям» – это пятидесяти воспитанникам подмосковного детского дома, куда сорокалетняя Вера ездила каждую неделю. И каждый раз из зарплаты терапевта выкраивала средства, чтобы порадовать подопечных.

Худая до изможденности, с вечно усталым лицом, Вера только недавно оправилась от тяжелого развода. И начала понемногу улыбаться, а до этого не всегда узнавала Майю при встрече, смотрела пустыми голубыми глазами, похожими на стеклянные.

– Слушай, Майя, – сказала она, взясь с ключами, – а зачем ты коврик переложила?

Коврик с нарисованной кошачьей мордой и впрямь лежал не на своем месте.

– Это, наверное, мои жильцы перед отъездом порядок наводили. Сейчас я его обратно перетащу...

Под ковриком обнаружили бурые пятна. «Точно, жильцы пол испачкали и решили прикрыть».

Попрощавшись с Верой, Майя вошла в квартиру – и остолбенела. Тумбочка у входа перевернута, на стенах – красные разводы, пол исчеркан следами от грязных ботинок... И запах. Странный, опасный запах, который она никак не могла идентифицировать.

Майя заглянула в комнату, осмотрела кухню, но там, к ее удивлению, все выглядело пристойно. Что-то настораживало ее в квартире. «Наверное, все дело в запахе», – решила Майя, направляясь в ванную комнату, чтобы вымыть руки.

В ванной горела лампа, и это окончательно вывело ее из себя. Тихие, доброжелательные жильцы, обещавшие чистоту и порядок, даже не потрудились выключить за собой свет! Рванув на себя приоткрытую дверь, Майя ворвалась в комнату с такой скоростью, будто внутри ее ждали нашкодившие арендаторы и предстояла расправа над ними.

На полу возле ванны, привалившись к стене, лежал мужчина. В первую секунду Майя заметила лишь, что лицо у него совершенно белое, под цвет кафельных стен. А во вторую охватила взглядом окровавленное полотенце, привязанное к ноге, разбросанные лекарства, какие-то вещи в ванне...

– О господи... – выдохнула она, отступая назад.

Первым ее порывом было броситься прочь из квартиры. Вызвать от Веры милицию, и пускай они заберут преступника, неизвестно как попавшего в ее квартиру. Как?! Все замки были закрыты, она отпирала дверь своим ключом! «Не через крышу же он залез? Крыша... Упавший Иннокентий...»

Майя сделала шаг к двери, но остановилась, посмотрела на мужчину, кусая губы... Возможно, он уже мертв. Надо хотя бы проверить.

Она осторожно подошла, присела рядом, прижала пальцы к шее. Пульс был. Но, судя по красному полотенцу, визитер потерял много крови.

– Надо «скорую», – вполголоса сказала Майя, чтобы придать себе уверенности.

Сначала «скорую», и пускай отправляют его потом куда хотят.

Она сделала движение, чтобы встать, и вскрикнула: холодные пальцы прикоснулись к ее запястью. Раненый открыл глаза и смотрел на нее, пытаясь что-то сказать. Губы не слушались его, с них срывалось невнятное шипение вместо слов, и Майя, преодолев панику, метнулась к раковине, высыпала из кружки старые зубные щетки и налила воды.

– Пейте!

Ей пришлось подержать ему голову, пока он пил – жадно, как будто вышел из пустыни. Майя покосилась на его рану, опасаясь, что кровотечение начнется снова, но повязка, кажется, больше не пропитывалась кровью.

– Лежите тихо, – сказала она, преодолевая отвращение к бандиту. – Я сейчас вызову врачей, вам помогут.

В ответ раздался хрип.

– Что?

– Нет... – раненый схватил ее за руку. – Никого... нельзя...

– Вы с ума сошли? – Майя выдернула руку и отодвинулась. – Да вы умрете, если не вызвать «скорую»!

– Я умру, если вы ее вызовете, – прохрипел мужчина, продолжая настойчиво цепляться за ее руку. – Меня прикончат в больнице. Не делайте этого.

Майя начала злиться. Страх ее совершенно исчез: этот человек был беспомощен и, похоже, бредил. Не нужно было прислушиваться к его бреду, но он продолжал цепляться за нее, как утопающий, и ей неловко было отнять руку и уйти.

– Вы что, хотите скончаться здесь, в моей квартире? – сердито спросила она, вспомнив рассказ Веры о стрельбе и сложив два плюс два. – Не выйдет! Ваши бандитские разборки меня не касаются! Если вы затеяли перестрелку в центре города...

Она замолчала, видя, что раненый пытается что-то сказать.

- Что?

- Не бандит... - прошептал мужчина. - Там... в ванне...

- Послушайте, у вас бред, я вызываю врачей!

- Там... посмотрите...

Он слабо тыкал пальцем в сторону ванны, и Майя, вздохнув, встала, наклонилась над эмалированной поверхностью.

- Пояс, - донеслось сзади. - В нем... Откройте.

Рядом с окровавленным полотенцем валялась эластичная лента, очевидно, сорванная раненым, когда он спешил с перевязкой. «Это - пояс? Какой же это пояс...» - удивилась Майя, но все-таки безгласно взяла ленту за краешек и потянула к себе. Пару раз она обернулась на мужчину, проверяя, не подстраивает ли он ей ловушку. Вдруг он хочет ее отвлечь, а сам ударит сзади ножом, пока она, как дура, рассматривает какую-то липкую гадость?

«Липкую? А почему она липкая?»

Перевернув ленту, Майя обнаружила, что с изнанки находится что-то вроде кармашка из ткани, прилипающей к пальцам. Она вопросительно взглянула на раненого, но тот закрыл глаза. Поколебавшись немного, она развернула ткань, и на ладонь ей выпали небольшие прозрачные камешки с острыми гранями.

Майе не нужно было изучать их с лупой, чтобы убедиться, что внутри не стекляшки и не фианиты. Никто не стал бы так прятать стекло. Она подняла один камень к свету, повернула его, и грани сверкнули радужной россыпью цвета.

Во рту у Майи пересохло.

– Небольшая поправка, – проговорила она медленно. – Вы не бандит. Вы вор. Поэтому вас и хотели убить, да?

Раненый открыл глаза и покачал головой. Взгляд у него был мутный.

– Не вор, – прошептал он. – Курьер. Слушайте, я вам заплачу. Нужны лекарства. Я скажу какие... Помогите...

Голова его бессильно упала набок.

Две минуты спустя в квартиру Веры Воронцовой постучали.

– Майя? – удивилась Вера, открыв. – Что-то случилось? Ты какая-то бледненькая...

– Вера, – собравшись с духом, сказала Майя, – у меня в доме мужчина, он ранен. Умолял не вызывать «скорую» – говорил, что в больнице его убьют. Но рана, кажется, глубокая, от ножа. Я пойму, если ты откажешься, но, может быть, можно посмотреть, насколько серьезно...

Она еще что-то мямлила, а Вера уже встала, надела очки и вытащила из шкафа чемоданчик.

– Пойдем скорее. Куда он ранен?

– В бедро, справа, но я не уверена... – скороговоркой зачастила Марецкая, следуя за Верой.

Воронцова решительно вошла в квартиру, но на пороге задержалась.

– В ванной, – подсказала сзади Майя.

Вера прошла в ванную комнату и точно так же, как Майя, остановилась на пороге, тихо ахнув. Присела, подняла край рубашки и очень осторожно сдвинула повязку вниз.

– Майя, у него пулевое ранение, а не ножевое, – тихо сказала Вера, поправив очки. – Это очень серьезно. Нужна квалифицированная помощь, я ничем не смогу помочь. Подожди-ка...

Она достала ножницы, разрешила рубашку, и Майя увидела в плече лежащего аккуратную темную дырочку с почерневшим потеком.

– Еще одно пулевое. Не такое тяжелое, как первое, но тоже ничего хорошего.

Вера надела перчатки, осторожно прикоснулась к коже возле раны, и мужчина застонал, открыл глаза.

– Вы кто?

– Я врач, – строго сказала Вера. – Вот что, дорогой мой: вам нужно в больницу, что бы вы ни говорили. Это вам мое медицинское заключение. У вас внутри две пули, и даже если...

– Я их вытащу, – перебил ее мужчина. – Только помогите мне. Я потом заплачу, клянусь вам.

Вера обернулась, беспомощно посмотрела на Майю. Та пожала плечами: мол, я же говорила, он бредит.

– Дайте нашатырь, – попросил раненый.

К носу ему поднесли открытый пузырек, и он глубоко вдохнул. Спустя короткое время открыл глаза и посмотрел на двух женщин прояснившимся взглядом.

– Слушайте, я не убийца и не вор. За мной охотились... то есть за тем, что я вез. Я спасся чудом. Но эти люди знают, что я жив, и будут меня искать. В первую очередь они обзвонят больницы, и, как только им скажут, где я, они приедут и прикончат меня.

– Но если мы оставим вас здесь, вы умрете сами, – возразила Вера.

– Нет. Я смогу извлечь пулю. Поверьте, нас учили. Но мне нужны лекарства, я потерял много крови. И нужно, чтобы кто-то помогал.

Мужчина тяжело дышал, каждое слово давалось ему с трудом. Вера машинально стерла выступившие у него на лбу капли пота и встала.

– Что же делать? – зашептала она, наклонившись к Майе. – Я ему почему-то верю.

– Я ему тоже верю, как ни странно, – вполголоса ответила та. – Но это не значит, что я оставлю у себя какого-то беглого бандита, который прирежет нас, как только сможет встать на ноги. Даже если мы поможем ему извлечь пули... Господи, о чем мы вообще говорим?! О преступлении!

– Пятьсот тысяч каждой, – хрипло сказали сзади. – Пожалуйста, помогите мне!

– Послушайте, – сказала Майя, наклоняясь к раненому. – А почему бы вам не позвонить тем людям, на которых вы работаете, и не попросить помочь их? Их, а не нас, случайно встреченных теток?

Мужчина закашлялся было, но тут же застонал и прижал ладонь ко рту. Цвет лица у него из белого стал землистым.

– Не могу, – еле выговорил он пересохшими губами. – Долго объяснять почему. Я раньше сдохну...

– Майя, он и правда раньше умрет, – встревоженно сказала Вера. – Ему нужна помощь, причем срочно.

– Если в него стреляли из пистолета, нужно отвезти его в больницу! Или ты действительно хочешь, чтобы он сам себя прооперировал?!

Вера качнула головой:

– Он не сможет. Я слышала о подобных случаях, но он сейчас не в том состоянии.

– Вот именно! – прошипела Майя. – Господи, Вера, что с тобой! Его рана – это не наше дело, и то, что на него будут покушаться, – тоже не наша беда.

Вера подняла на нее глаза и, покраснев, шепнула:

– Пятьсот тысяч.

Майя молча смотрела на нее, не зная, что ответить. Да, пятьсот тысяч, большие деньги для Веры. Майя прекрасно понимала, что деньги пойдут не самой Воронцовой, а ее подопечным.

– Откуда ты знаешь, что он тебя не обманет? – мрачно спросила она. – Откуда ты знаешь, что у него вообще есть такая сумма?

– А вдруг не обманет?

Вера с надеждой посмотрела на соседку, как будто от Майи зависело, получит она деньги или нет.

– Хорошо, – сдалась Майя. – Давай попробуем. Но при первом же сбое... или как там у вас, врачей, называются сложные моменты? Так вот, при первой же сложности я звоню в «Скорую».

Вера просветлела лицом, но тут же собралась, нахмурилась.

– Все, поехали, – сухо сказала она, будто была хирургом в операционной, а не терапевтом в районной поликлинике. – Слишком долго мы все это обсуждали. Накрой скатертью стол в большой комнате. Нам придется перетащить его туда.

Позже Майя никак не могла взять в толк, что подвигло ее тогда на эту безумную авантюру. Ее, а заодно и Веру, прооперировавшую в чужой квартире на обеденном столе незнакомого человека. Неужели только надежда на получение мифического полумиллиона? Уже позже ей пришел на ум вопрос, заставивший Майю нервно сглотнуть: а что, если бы беглец умер на ее столе, застеленном веселенькой простынькой в мелкий горошек? Как бы они объясняли следователю, что произошло? Или с той же бездумной решительностью, что заставила их

помогать раненому, вытащили бы его тело среди ночи, погрузили в ее машину и выбросили где-нибудь за городом, скрывая следы?

Раненый стонал, сдерживал крик, и Майя придерживала его голову, чтобы он не бился об стол.

– Тихо, миленький, тихо, – приговаривала Вера, ковыряясь в ране. Над головой ее низко висела лампочка – самая яркая, какая только нашлась в квартире. – Вот так... Уже все.

Им невероятно повезло, как сказала Вера, когда все закончилось: обе пули застряли неглубоко.

– И ему тоже повезло, – кивнула она на раненого, вновь потерявшего сознание. Подумала и добавила: – Но нам все-таки больше.

Тут-то Майя и представила, что исход операции мог бы быть иным. Она со страхом взглянула на соседку, и та, истолковав ее страх по-своему, пожала плечами:

– Теперь за ним нужно ухаживать. Я покажу, что придется делать.

Вера принесла из аптеки пакет с лекарствами, с профессиональной ловкостью сделала раненому два укола и помогла Майе перетащить его на кровать. Майя только диву давалась тому, как преобразилась скромная неслышная Вера. Быстрые, четкие движения, решительность в каждом слове... Она ничуть не сомневалась в том, что они все делают правильно.

Убедившись в том, что «пациент» уснул, Воронцова еще раз повторила, как правильно делать перевязки, и ушла, оставив Майю одну. Майя убрала следы их деятельности, сложила в мусорный мешок одежду раненого и выкинула, а бриллианты, подумав, спрятала в тайничок. Тайник этот она устроила еще в детстве, выскоблив норку в кухонной стене за отходящим куском старого плитуса.

«Пусть только попробует не отдать Вере ее деньги, – злобно подумала она, запихивая камни в углубление. – Век будет свои бриллианты искать».

Когда Майя закончила, совсем стемнело. За окном вздыхала ночь, липы жаловались на старость, и Марецкая отошла от окна: слишком уж неприятно было снаружи, почти как осенью. Она постелила себе на диванчике в кухне. Ее переполняли самые мрачные предчувствия, она сердилась и на себя, и на Веру, но на себя больше. Поворочавшись на костлявом диване, Майя поняла, что не уснет, встала, вооружилась тяжелой стеклянной бутылкой с оливковым маслом и решительно отправилась в соседнюю комнату.

Мужчина не спал. По его лицу было видно, что он не спит уже давно.

– Вот что, – сказала Майя, включив настольную лампу и борясь с желанием направить колючий свет в глаза подозреваемому. – У меня к вам есть несколько вопросов. Раз уж вы... хм... ночуете у меня, вам придется на них ответить.

– Согласен, – отозвался он. – Только, если не секрет, зачем вам бутылка?

– На тот случай, если вздумаете проявлять агрессию.

Мужчина усмехнулся:

– Тогда вам больше пригодился бы нож.

– Ножом я вас ударить не смогу, – созналась Майя. – А вот бутылкой – запросто.

Она придвинула стул, села, вглядываясь в раненого. Удивительно, но во всей сегодняшней возне она его даже не разглядела толком. Внешность оказалась самой обычной, но у Майи осталось ощущение, что это была какая-то старательно подчеркиваемая обычность, культивируемая.

Легкая щетина на щеках и подбородке, крупный нос, глаза то ли синего, то ли серого цвета, не разобрать при тусклой лампе... Чуть изменить свет, и получится красавчик киношного облика, отрастить щетину – контролер в трамвае. «Нет, для контролера все-таки физиономия слишком умная, – подумала Майя. – И глаза непростые, хоть и притворяется, смотрит дурачком».

В целом осмотр ее немного успокоил: перед ней сидело вполне человеческое лицо, а не злобная морда гоблина, как она опасалась.

– Начнем со знакомства. Как вас зовут и кто вы такой?

– Зовут Антон, – с готовностью отозвался он. – Я курьер. Перевозчик. Перевожу драгоценности.

– Перевозите драгоценности? – растерянно повторила женщина.

Антон кивнул. Он так и знал, что ему будет сложно объяснить, чем занимается.

Дорогостоящие «грузы» постоянно перемещались по стране. Драгоценные камни контрабандой переправлялись от заказчика к клиенту, и стоимость одной перевозки могла составлять десятки миллионов. Неудивительно, что всегда находились те, кто желал избавить владельцев от «груза».

Стандартной защитой были бронированные автомобили. Казалось бы, нет ничего проще, чем погрузить партию в инкассаторскую машину и доставить ее до места назначения под прикрытием бравых парней с автоматами.

Но это не спасало от покушений. Чем сильнее укрепляли машину, тем изощреннее становились нападавшие. Кроме того, бронированная техника частенько привлекала внимание органов правопорядка, а это было для владельцев совсем уж лишним.

И тогда к делу привлекли курьеров.

Сначала идея использовать «живую силу» казалась бредовой. Если даже укрепленный автомобиль с охраной не мог защитить от разбоя, что уж говорить про одного человека!

Но неожиданно оказалось, что у «живой силы» есть преимущества перед профессиональной охраной.

Неприметные люди покидали офис фирмы, шли пешком, спешили по своим делам, иногда разъезжались по разным городам. В один день фирму могли покинуть десять перевозчиков, и невозможно было угадать, кто из них везет груз. Это были тренированные, ловкие, сообразительные мужчины, прошедшие специальный курс подготовки к «перевозке» и регулярно занимавшиеся с

тренерами. Они выбирали непредсказуемые маршруты, сбивали преследователей с толку, а при необходимости успешно дрались. Но «контакт» считался крайним случаем, и доводить до него не рекомендовалось. При обнаружении слежки курьер немедленно выходил на связь с офисом, прятался в ближайшем здании с большим количеством посетителей и ждал, пока его заберут оттуда.

Но это случалось редко. Перевозчика – настоящего, не подставного с «пустышкой» – было так же сложно отследить, как муравья, теряющегося в густой траве.

Основная опасность теперь исходила не от тех, кто планировал ограбление. А от случайных грабителей, от милиционеров, от наркоманов, ищущих жертву... Курьер мог попасть под машину, отравиться, ненароком оказаться в центре уличной драки... С ним могло случиться все то же, что случается с обычным прохожим. Но, в отличие от прохожего, курьер был подготовлен.

Все это Белов вкратце изложил коротко стриженной синеглазой женщине, недоверчиво выслушавшей его.

– Допустим, вы действительно перевозчик драгоценностей, – подумав, решила Майя. – От кого и кому вы сегодня везли бриллианты?

– На этот вопрос я отвечать не буду, – спокойно сказал Белов.

– Хорошо. Тогда расскажите хотя бы, что произошло.

– На меня напали. В этом дворе. Стреляли, ранили, мне удалось забежать в ваш подъезд и спрятаться в тамбуре. Дверь была приоткрыта.

Да, дверь в тамбур была приоткрыта, потому что жильцы сломали ключ в замке, а у Майи пока не дошли руки его поменять. Во всяком случае, в этом ее гость не врал.

– А как вы залезли в мою квартиру? – настороженно спросила она. – Вы вор?

Антон отрицательно покачал головой и, кажется, даже усмехнулся.

– Я не вор. Но я умею открывать простые замки. Если не верите – отмычка в кармане джинсов.

– Это у меня-то простой замок? – поразилась Майя, которой установщик долго и убедительно рассказывал, что замки их фирмы не могут вскрыть даже опытные домушники: садятся под дверь и плачут, как дети, от бессилия.

– Конечно, простой. Я вам потом покажу: его можно открыть скрепкой.

Майя мимоходом подумала, что надо срочно поменять замки, и вернулась к теме, которая интересовала ее больше всего:

– Вы знаете, кто на вас напал?

– Нет.

– Вы кого-нибудь из них ранили?

– Нет.

– Почему? – недоверчиво спросила она. – Вы не были вооружены?

– Был. Но не успел ничего достать – они опередили меня. Кстати, где моя рубашка?

– В мусорном баке.

Антон нахмурился, и Майя пояснила:

– Она была вся в крови, я решила, что нет смысла ее оставлять.

– Дело не в крови. В ней оружие – это во-первых. И ее не стоило выкидывать в мусорный бак – это во-вторых.

– Я проверила карманы, там ничего не было, – возразила Майя.

– Не в карманах... А, неважно. Мусорный бак меня беспокоит больше. Давно выкинули?

– Часа три назад, – подумав, сказала Майя. – Вы что, хотите, чтобы я вам ее вернула? Вот уж нет. Ползать по ночным помойкам – увольте. Я уже стара для таких развлечений.

Он, кажется, хотел поспорить, но взглянул на ее упрямое лицо и прикрыл глаза, молчаливо соглашаясь.

– Нет, что-то не складывается, – немного погодя начала Майя, которую вновь охватило недоверие. – По-моему, вы морочите мне голову. Как можно доверить одному человеку перевозить миллионы? Надеюсь, вы примерно представляете стоимость того, что было в вашем поясе?

– Представляю, – негромко ответил Антон, не открывая глаз. – Я сказал вам правду. Машина привлекает к себе внимание, ее легко отследить. Машина – это сигнал: «Э-эй, сюда, мы возем камешки!» Думаете, так сложно отсечь машину в потоке и забраться в нее?

– Но ведь там охранники с оружием!

– Против любого оружия найдется свое оружие. Пару лет назад машину просто взорвали на дороге. Налепили на крышу взрывчатку, пока она стояла на светофоре, а после взрыва забрали чемоданчик с грузом и смылись.

Он не стал добавлять, что имелись и другие причины использовать курьеров-невидимок. Этой женщине Антон собирался выдать ровно столько информации, сколько хватило бы для того, чтобы она ему поверила. Он взвешивал каждое слово, но видел: пока ему не доверяют.

– Я знаю, что вам это все кажется странным, но мне нет смысла врать, – закончил Антон, открывая глаза. – Вы видели пули, видели камни. Делайте выводы.

Он специально не стал спрашивать, где бриллианты, чтобы не спугнуть ее. Майя напряженно обдумывала что-то.

– Неужели никто из курьеров не пытался сбежать с драгоценностями? – наконец спросила она. – Такого не может быть.

– Пытался, и сбежал, – не стал обманывать Антон. – Один. В самом начале, когда я только начинал работать. Я могу рассказать вам, что с ним сделали, когда нашли. Потому что его нашли, конечно же. Любого бы нашли. Так рассказать?

– Не надо, – торопливо отказалась Майя. – Ладно. Верю, что вы не врите. Поднимите одеяло, мне нужно посмотреть, как там ваша рана.

Антон не сразу отреагировал на ее просьбу. Он опешил: расспросы закончились неожиданно быстро. Ему казалось, что его будут пытаться всю ночь, он настроился на долгий разговор и пытался всеми силами погасить боль, разговаривая в ногу, чтобы она не мешала, не отвлекала его.

Женщина включила верхний свет и склонилась над ним. Свою нелепую бутылку с маслом она поставила на столик среди лекарств.

Антон закрыл глаза, мысленно усмехнувшись. Она, похоже, не понимала, что ему, даже раненому, ничего не стоит убить ее. От нее пахло кофе, и эта горячая нота мешала ему, не давала сосредоточиться.

– Как вас зовут? – спросил он, не открывая глаз.

Она немного замешкалась, как будто хотела соврать.

– Майя. Все, спите. Я зайду завтра утром.

И ушла, не забыв прихватить бутылку.

– Что-то ты неважно выглядишь, – встретил ее Сема на следующий день, когда Майя, изрядно опоздав, вошла в мастерскую. – Бессонная ночь, а?

И подмигнул, старый черт. Майя даже покраснела, и Сема развеселился, глядя на ее смущение.

За стеклянной дверью двигались с плавностью золотых рыбок Моня и Яша, перекладывая украшения в витринах.

– А скажите мне, Семен Львович, – будто невзначай спросила Майя, вертя перед глазами кольцо, принесенное на переделку, – если вам нужно перевезти партию товара, то вы нанимаете бронированную машину? Правда?

Сема приподнял очки и воззрился на нее с удивлением:

– Ну конечно! А ты как думала?

– Просто я недавно услышала, – осторожно подбирая слова, начала Майя, – что есть нелегальная служба доставки, со специально обученными курьерами, которые сами перевозят драгоценности.

Она взглянула на Сему, у которого бровки поползли вверх, и добавила, махнув рукой:

– Сама слышу, что несу чушь. Не обращайтесь внимания.

Она отвернулась и сделала вид, что увлечена работой над кольцом. Но в глубине души Майя злилась на себя. «Великовозрастная идиотка! Купилась на такую примитивную выдумку. Надо же, курьеры...»

Тем временем Сема отложил в сторону инструменты и поерзал на стуле.

– А где ты об этом слышала, голубка? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Знакомая упомянула, – отозвалась Майя. – А что?

– Интересные у тебя знакомые.

Что-то в Семином голосе заставило ее забыть о кольце.

– Семен Львович?

Сема поколебался, но лицо Майи было таким выразительным, что он развел руками:

– Ну что ты на меня так смотришь? Есть, есть курьеры. Поговаривают, что это была идея Хрящевского, но точно никто не знает. А знающие люди языком зря не чешут. Так что и я не стану, и подруге твоей не советую!

Сема строго поднял толстый палец и покачал им из стороны в сторону.

– Николай Хрящевский? – ахнула Майя, не обращая внимания на палец. – Тот самый? Значит, это правда? Подождите, Сема... Так Хрящевский торгует «черным» товаром?

Сема закатил глаза, поцокал языком и всем своим круглым лицом выразил сожаление о том, что рядом с ним сидит такая глупая женщина.

– Ты глупая женщина, голубка, – так и сказал он. – Что значит «черный» товар? Ты знаешь, какой у нас процент нелегально ввезенных драгоценных камней и золота? Если исходить из всего оборота по стране? А? Ну, скажи дяде Семе, как ты думаешь?

– Может быть, пятнадцать процентов? – предположила Майя, никогда прежде не задумывавшаяся над этим. – Двадцать?

Старый еврей взглянул на нее с восхищением, и Майя порадовалась своей проницательности. Но следующая его фраза разрушила ее иллюзии.

– До чего же ты незамутненный человек! – воскликнул Сема. – Девственно чистый в том, что касается знаний об окружающем тебя мире.

– Не надо обобщать, – пробормотала Майя. – Ну хорошо, тридцать! Тридцать процентов.

– А шестьдесят не хочешь?! – прогремел Сема. – «Тридцать процентов»! С тридцатью процентами, девочка, ты имела бы вокруг себя ювелирную пустыню!

Майя попыталась представить ювелирную пустыню, но фантазия отказывалась работать в этом направлении, предлагая нечто совершенно противоположное: пещеры Али-Бабы, заваленные золотом и украшениями, горы самоцветов среди песчаных барханов...

– Конечно, каждый хочет поиметь свой небольшой гешефт, – продолжал Сема, – и я спрошу вас, что в этом плохого? А?

– Ничего, Семен Львович, – заверила Майя, чувствуя, что ювелир сердится.

– Вот и я считаю, что ничего! Но наш налоговый кодекс считает иначе. Ты читала налоговый кодекс? Нет? Читай его перед сном и плачь. Читай, сколько должен платить бедный предприниматель, чтобы ввезти золото из Турции и паршивенькие турмалины из Индии. Наши законники, чтоб им вечно отдыхалось только на курортах Краснодарского края, облагают честных торговцев такими налогами, что те очень быстро перестают быть честными. Честный, работающий себе в убыток – это глупый! Кому хочется быть дураком, а, девочка?

Майя быстро согласилась, что никому.

– Получается, камни и золото ввозят контрабандой? – уточнила она. – А потом продают здесь по более выгодной цене?

– Ты знаешь, во сколько раз турецкое золото дешевле нашего? – вопросом на вопрос ответил Сема. – Я тебе скажу, чтобы ты запомнила и поумнела. В шесть! А итальянское? В четыре. Естественно, наш рынок наводнен турецким золотом, которое выдается за местное. Но мы отклонились от темы. Да, курьеры есть, хотя я и сам прежде сомневался в их существовании. Если тебе интересно, прибегаем ли мы к их помощи – нет, не прибегаем. Говорят, у Хрящевского целая школа по их подготовке. Но я никогда толком не вдавался в эту тему, так что за достоверность фактов ручаться не могу.

Майя дослушала про курьеров уже вполуха, поскольку мысли ее были заняты другим. Она вспомнила историю появления бренда «Золотой Купец» и пыталась связать ее с тем, что рассказал Сема.

Когда-то Аман Купцов был мелким предпринимателем в Казахстане. Торговал радиодеталями, компьютерами, держал два магазинчика с одеждой – искал

свою делянку, как выражался Моня. Но в конце концов открыл в Алма-Ате ювелирный магазин, который назвал «Золотой Купец», и обрушил на город самую агрессивную рекламу ювелирных украшений за все время его существования.

«Если ты пришел в „Купец“, ты герой и молодец!» – надрывалось радио в каждой машине. «Золотой купец хорош: без подарка не уйдешь!» – вторил ему телевизор.

Рекламщики сняли серию роликов. Героиней была упитанная, как снегирь, блондинка. В одном ролике седой мужчина застегивал на ее розовой шейке ожерелье под пение хора: «Она выбирает того, кто щедрее! Она выбирает того, кто щедрее!»

В другой рекламе блондинка крутила на пальце золотое кольцо и удовлетворенно сообщала зрителям: «Ах, какая безделушка – пусть повесится подружка!»

Подобными виршами был наводнен весь город. Рекламная кампания делала упор на дешевизну украшений. Золотые кольца, которыми унизывала свои пальцы героиня рекламного ролика, собирали вокруг нее коллектив воздыхателей, похожих на Джеймса Бонда в самом брутальном его воплощении, а толстопузый старец превращался в Аполлона, стоило ему одарить юную красавицу цепочкой и браслетом (комплект «Очарование», цепочка и подвеска, золото высшей пробы).

Жители города, обладавшие мало-мальским чувством прекрасного, писали возмущенные письма, требуя избавить их от низкопробной рекламы. Однако реклама сработала: в магазины Купцова потекли покупатели.

Но главным фактором оставалась цена. Товар «Золотого Купца» действительно был в три раза дешевле, чем у конкурентов. А в качестве никто не хотел разбираться. «Мы ориентируемся на тех людей, которые раньше считали золото роскошью, – не скрывал Купцов, – на тех, кто раньше не входил в число потенциальных покупателей. Пусть небогатые люди поймут, что и им доступно золото».

Аман попал со своим бизнесом в точку: в среде его покупателей золото было мерилom успешности. Красивее считалась та женщина, на которой надето больше золотых украшений. Золотые зубы уже выходили из моды, но дутые толстые кольца, грубые и некрасивые, украшали пальцы и мужчин, и женщин.

Именно эти люди осаждали отделы «Золотого купца», скупая золото по дешевке. Генетическая память подсказывала им: случись беда – и обесценится все, кроме золота. Их было много, очень много: куда больше, чем утонченных ценителей дизайна украшений и требовательных любителей драгоценных камней.

Серьезные ювелиры воротили носы от Амана Купцова и его бизнеса, но сеть его магазинов за два года оплела весь город. Спустя еще четыре года Купцов открыл филиалы в Новосибирске, Екатеринбурге и Нижнем Новгороде, а через пять лет перебрался в Москву.

Здесь ему пришлось побиться за место под солнцем. Местные ювелирные короли не собирались пускать чужака в свои владения. Но Купцову все же удалось закрепиться, и он даже открыл салон «Афродита», в котором обосновались два шалтай-болтая Моня и Сема.

– Теперь понятно, почему у Амана такое дешевое золото, – вслух подумала Майя. – Оно контрабандное, да?

– Чш-ш-ш! – шикнул на нее Сема. – Что несешь? Это же страшно даже подумать, не то что сказать! Сиди тихо и кандыбайся со своим колечком.

Майя пыталась еще что-то добавить, но Сема округлил глаза и цыкнул: «Ша!»

Пришлось отказаться от дальнейших расспросов. Но самое главное она выяснила: ее гость не врал.

.....

«Сержант Спиридонов» по имени Игорь помялся перед тем, как войти во двор, где они с Серегой убили перевозчика. Старуха видела его. Вдруг узнает? Хотя

куда ей! Наверняка лежит с сердечным приступом и пьет валокордин.

Он вынул из сумки фотокамеру и повесил на шею. Если что – соврет, что фотограф.

Ему очень не хотелось снова соваться в этот двор. Да и зачем? Работа выполнена, перевозчик мертв, оружие они сбросили. Но у Савушкина остался неприятный осадок после дела.

«Только проверю, все ли в порядке – и смоюсь, – решил он. – Хватит пяти минут, если повезет».

Ему и впрямь повезло: во дворе на лавочке сидели две старушки. Сначала Игорь струхнул: решил, что одна из них – та самая, которую они с напарником заставили выдать код. Но пригляделся и понял, что не она. Та была тощая, едва живая и дрожала всеми костями, пока они с Серегой выбивали из нее три цифры кода. А эти, на лавочке – пухлые. Да и помоложе будут.

Пока Игорь шел к ним, легенда придумалась сама собой. Все будет просто: он скажет, что работает в газете, и они набросятся на него с рассказом о вчерашнем событии. Старые перенчики только и ждут предлога, чтобы почесать языками. Для них человек из газеты – представитель другого мира.

– Здравсьте, бабули! – подойдя, фамильярно поздоровался Игорь. – Я журналист. Говорят, у вас чэпэ вчера случилось? Расскажите об этом для нашей газеты, если вам известны подробности!

К удивлению Игоря, старые колоды не возбудились, услышав о его профессии. Помолчали, недружелюбно оглядывая пришельца, и одна хладнокровно спросила:

– Какое еще чэпэ?

– Как какое?! Человек с крыши упал, разбился вдребезги!

– Вдребезги ваза может разбиться, молодой человек, – противным голосом сообщила другая колода, – ваза, а не человек. Вы что, русский язык в школе не

учили? Неграмотный?

– Он, вероятно, из приехавших, – предположила первая. – На малой родине с работой плохо, вот и пришлось податься в Москву.

Игорь действительно приехал в столицу из Мордовии, но за семь лет никто ни разу не ткнул этим фактом ему в лицо. Оскорбления двух старух вывели его из себя. Но еще больше Игоря взбесило то, что эти тетери смотрели на него свысока. В нем сидела глубокая уверенность, что по сравнению с ним, взрослым сильным мужчиной, старичье – это второй сорт, ни к чему не пригодный человеческий шлак. Особенно тетки! Он избегал пожилых, как психически здоровый человек избегает вида падали. А сейчас эти без пяти минут дохлятины сидели перед ним и откровенно насмехались.

– Ехали бы вы, молодой человек, обратно, к себе на родину, – сладко улыбаясь, предложила вторая колода. – Подучите русский язык – и возвращайтесь. Милости просим.

– Может, у него на родине русский уже и не преподают, – заступилась первая.

– Тогда пусть на родине и остается, – разрешила ее подруга. – Там тоже люди живут. Им тоже новости нужны. Глядишь, женится. Детишек заведет. А они, на папашу-то гляючи, дельную профессию получают. Малярами станут или даже столярами...

– А то и врачами!

Игорь почувствовал, что, если старух не остановить, они решат его судьбу, и больше он не будет им интересен.

– Новости! – Игорь ухватился за спасительное слово. – Тетушки, новости нужны всем! Вы можете помочь нашим читателям узнать больше!

Одна карга недобро сощурилась:

– А кто вам сказал, молодой человек, что мы хотим благодетельствовать ваших читателей?

– Пусть живут без новостей, – согласилась вторая. – Больше времени на книги останется. Все польза.

И обе замолчали, надув щеки.

Игорь огляделся, выискивая еще кого-нибудь, но двор был пуст.

– Женщины, – умоляюще сказал он. – Меня с работы выгонят! Ну что вам стоит рассказать?

– Слышишь, Валя? – усмехнулась одна старуха. – Какие чудные метаморфозы мы с тобой претерпели! Были бабули, затем стали тетушки, а теперь уже и женщины! Такими темпами до девиц дойдем.

– Да что рассказывать-то? – проворчала вторая, смилостивившись. – Подумаешь, свалился пьяница с крыши. Тоже мне, событие дня!

– А почему вы решили, что он пьяница? – заискивающе спросил Игорь, утратив всю самоуверенность. – Кажется, говорили, что трезвый...

Старуха криво усмехнулась:

– Кеша трезвым не бывал. Хоть и нехорошо так говорить о покойном. Жалко его, непутевого.

Игорь изменился в лице.

– Какой Кеша? – пробормотал он. – Что за Кеша?!

– Алкоголик, бродяжка наш местный. Обычно по подъездам отогревался. И что его на крышу понесло?

– Должно быть, белая горячка, Валь! Или устал человек от такой жизни, решил закончить все. Самоубийство, конечно, грех большой...

– Подождите! – закричал Игорь. – Какой еще алкоголик?! Почему самоубийство? Разве он не был ранен?

Старухи возмущенно уставились на него.

– Во-первых, сбавьте тон, молодой человек, – высокомерно сказала первая. – Во-вторых, вы явно пришли не по тому адресу. У нас здесь никого не ранили.

– И в другой раз проверяйте как следует информацию! – ввязалась злобная вторая.

– Но стреляли же... – пробормотал Игорь в полной растерянности.

– Подростки баловались. Эти ужасные петарды...

Игорь хотел спросить про оружие, найденное на крыше, но вовремя спохватился. Старухи и так смотрели на него с подозрением. Он вяло поблагодарил их и пошел прочь.

Какой-то алкоголик Кеша... Как это могло случиться?! Игорь остановился, задрал голову. Как все произошло? Они выбежали на крышу, и беглец почти сразу свалился. Мог это быть какой-то местный алкаш?

Приходилось признать, что мог.

Игорь грязно выругался. Но если с крыши упал алкаш, то куда делся курьер?! В подъезде нет лифта, нет мусоропровода, ему некуда было спрятаться от них... Но где же он тогда?!

Ответ пришел сам собой. Если раненый курьер не прятался от них в подъезде, значит, он прятался в чьей-то квартире.

– Ах ты сволочь, – злобно пробормотал Игорь себе под нос. – У кого ж ты окопался?

Он замер, потому что в голову ему пришла простая мысль. «Где курьер, там и бриллианты!»

Значит, еще можно реабилитироваться в глазах шефа! Если этот раненый недоумок жив, он найдет его и заберет оставшуюся половину груза. В подъезде не так много квартир...

Вот только как же понять, где именно спрятался перевозчик?

Игорь огляделся. Старухи уже ушли, и двор совершенно опустел. Странноватое местечко, такое безлюдное... Но это ему только на руку.

Он набрал код, который они выбили из старой вешалки, и вошел в подъезд. По четыре на каждом этаже – значит, всего двадцать. Игорь пошел вверх, присматриваясь к закрытым дверям.

«Эй, перевозчик, ты где?»

Добравшись до самого верха, Игорь остановился. Люк, ведущий на крышу, уже закрыли, и на нем висел огромный замок.

Он осмотрелся. Все то же самое, что на других этажах: две двери, четыре звонка... Но правая, кажется, чуть приоткрыта. Игорь подошел ближе, присматриваясь, осторожно толкнул ее – и схватился за кобуру, спрятанную под курткой.

Дверь отворилась. За ней оказался освещенный тамбур с небрежно набросанной обувью. Из-под сдвинутого коврика виднелись темные пятна.

Игорь чуть не сплюнул на пол в ярости, поняв, где прятался от них раненый курьер, пока они с Генкой шарахались по крыше.

Так вот он где – в одной из двух квартир! Может, здесь живет кто-то из его знакомых, оттого он и рванул так уверенно в этот подъезд?

Игорь вернулся на лестничную площадку и стал спускаться вниз. Он непременно вернется сюда. Завтра же. Но уже не один. Одному – опасно. Кто знает, что за приятель у курьера...

Навстречу Игорю поднималась женщина средних лет – тощая, очкастая крыса с русыми волосами, убранными в хвост. Он посторонился, пропуская ее. И даже чуть не спросил, кто живет на пятом этаже, но взглянул на ее замкнутое лицо и промолчал. Эта тетка могла рассказать о его интересе тому, кто помог спастись курьеру. Пусть для него станет сюрпризом следующий визит Игоря.

Он поднял воротник и быстро сбежал вниз.

Вера Воронцова проводила взглядом незнакомого мужчину. Он как будто хотел что-то спросить у нее, но потом передумал... Вера порадовалась, что он передумал, потому что лицо незнакомца показалось ей неприятным: узенькое, серое, словно крысиная мордочка. Была в нем какая-то туповатая сосредоточенность и жестокость.

Она хотела рассказать об этом мужчине Майе Марецкой, но стала разбирать одежду для своих подопечных, захлопоталась – и забыла.

Глава 4

В пятницу утром в парке «Сокольники» было многолюдно: по дорожке, ведущей к павильону номер четыре, ручейком тянулись посетители. Здесь проходила ежегодная ювелирная выставка, каждую весну собиравшая ювелиров со всей России.

В небольшом павильоне царил неуловимая атмосфера старинного восточного базара. Слева искрились авантюрины, по которым словно рассыпался золотой песок, голубела бирюза, сверкал горный хрусталь. Справа манили к себе глубокие, как вода, загадочные аквамарины, за ними полыхали рубины, и царственные сапфиры, вобравшие в себя морскую синь, приковывали взгляды. Кроваво-красная яшма, бледные селениты, нежные фиалковые аметисты, и рядом – высокомерные изумруды, холодные, недостижимые, как зеленые звезды.

Но центром выставки были все же не они. Напротив входа стояла небольшая стеклянная витрина, а возле нее толпились люди. Каждому хотелось посмотреть

на чудо, главную приманку этого сезона – шестнадцатикаратный синий бриллиант «Зевс».

«Зевс» возлежал на белоснежной подставке, подсвеченный со всех сторон мощными лампами, и, казалось, от него исходит сияние. Позади высился огромный рекламный плакат банка «Зевс», которому принадлежал редкий бриллиант. «Мы – на Олимпе» – гласила надпись на плакате. Между плакатом и витриной стоял охранник, словно архангел у врат рая, решающий, кого пустить на Олимп.

Табличка возле витрины предупреждала, что бриллиант «Зевс» скрыт за пуленепробиваемым стеклом. Прочный стеклянный саркофаг был водружен на подставку, а подставка – на четыре металлические ноги. Вся конструкция выглядела весьма внушительно.

– Смотри, Гош, как сияет! – восхищенно сказала женщина в группе зрителей. – Сколько ж он стоит, а?

Вместо Гоши ей ответила строгая девушка в очках:

– Стоимость синих бриллиантов может достигать миллиона долларов за карат.

Позади строгой девушки кто-то завистливо вздохнул.

Женщина наклонилась к витрине и прочитала: «Бриллиант „Зевс“, страна происхождения – Индия, найден в 2001 году. Уникален».

Больше о бриллианте не было сказано ничего. Уникален – и точка.

– А почему он не круглый, а с заостренными концами? – спросил кто-то.

Ответила та же строгая девушка:

– Такой вид огранки. Называется «Маркиз».

Вмешался охранник:

– Толпиться не надо, – веско проговорил он. И, подумав, добавил: – Пожалуйста.

Люди подались назад. Охранник удовлетворенно кивнул и вновь застыл как изваяние.

В это самое время у входа в павильон остановилась «Газель» с надписью по всему борту – «Горсвет». Из нее выскочили двое ребят в потертых серых комбинезонах, украшенных той же надписью. Один из парней – грузный увалень – вытащил из нутра «Газели» смотанный провод и двинулся к павильону, разматывая шнур. Второй, щуплый и узкоглазый, догнал его, размахивая какими-то бумагами.

Водитель в кепке, нахлобученной до бровей, остался дремать в машине, привалившись к окну.

Щуплый задержался ненадолго возле пункта охраны у входа, а здоровяк целеустремленно потащил шнур в центр зала – к витрине с «Зевсом».

– Осторожнее, пожалуйста, – бубнил он, и посетители шарахались в стороны. – Осторожнее. Наступать не надо, пожалуйста. Провод под напряжением.

Насторожившийся охранник спустился со своего пьедестала:

– Это что такое?

– Куликов распорядился усилить периметр, – пояснил толстяк. – Пока народ не повалил. Щас Санек подойдет, у него распоряжение.

Санек, похожий на хорька, уже спешил к ним.

– Витек, нам десять минут выделили, – запыхавшись, сказал он, не обращая внимания на охранника. – Управимся?

– Должны, – кивнул тот, кого он назвал Витьком.

– Слышь, братан, распишись.

С этими словами щуплый сунул охраннику какую-то бумагу.

– Все работы ведутся под твоим наблюдением, – предупредил он. – Чтобы потом не было чего...

Охранник бросил взгляд на выданное ему предписание. И тут же его что-то кольнуло в шею. Он вздрогнул, закрыл глаза и начал оседать. Но не упал, подхваченный пареньком, оказавшимся на удивление жилистым.

– Вот сюда пройдемте, – громко сказал паренек, утаскивая охранника за рекламный щит.

Тем временем толстяк обмотал провод вокруг стеклянного сейфа, щелкнул «карабином» и сделал шаг в сторону. Щуплый вышел из-за щита, бросил взгляд на напарника и коротко кивнул.

– Просьба разойтись, провод под напряжением! – громко сказал он.

Оба быстро двинулись к выходу, с сосредоточенным видом осматривая шнур. Посетителям хватило и первого предупреждения, поэтому путь перед ними оказался расчищен.

Не доходя двух шагов до внешней охраны, щуплый прижал палец к уху с телефонной гарнитурой и вполголоса скомандовал:

– Поехали.

Следом случилось немыслимое. Шнур у них под ногами пополз и натянулся. В центре павильона раздался страшный хруст, будто кто-то разминал скорлупу гигантского яйца, и стеклянный саркофаг накренился, выдирая за собой металлические ножки и обрывая провода. Последовал звук, похожий на выстрел – это треснула и разломилась одна из ножек, – пол вздыбился, и с ужасающим скрежетом сейф поехал к выходу, набирая скорость.

На все это ушло не больше десяти секунд. А в следующие десять сейф прогрохотал по ступенькам, съехал на асфальт и с режущим уши звуком поволочился за отъезжающей «Газелью». Открытые задние дверцы ее

болтались, и было видно, как крутится внутри катушка, наматывая на себя змеиные кольца провода.

Парочка в серых комбинезонах проскочила мимо остолбеневшей охраны и бегом догнала свой фургон. «Газель» притормозила, и на глазах у всех в двадцати метрах от павильона лже-электрики дружно приподняли сейф и погрузили его внутрь. Толстяк забрался в фургон, подтащил остатки провода и захлопнул двери, а щуплый заскочил в кабину.

После чего «Газель» рванула с места, пронеслась через парк насквозь и вылетела на дорогу, не снижая скорости. Машин в этот утренний час было немного, и фургон беспрепятственно промчался по улице и скрылся из глаз.

Вместе с ним исчез синий бриллиант «Зевс».

.....

«Это пятница – тяжелый день, а вовсе не понедельник», – думала Майя, улыбаясь клиентам и ловя отражение своей вымученной улыбки в зеркале напротив. В ювелирном салоне должно быть много зеркал: они отражают лампы, они сверкают, они напоминают о роскоши.

И, конечно, много света! Свет для бриллиантов – это все. Светом можно убить камень, а можно оживить его. В потоке искусственных лучей любое украшение выглядит лучше, чем при дневном свете, и каждый ювелир знает об этом.

Сегодня Яши не было, и Майя помогала Моне Верману в магазине. Пятница – тяжелый день, потому что в пятницу в ювелирных магазинах всегда много клиентов. Кто-то ищет подарок любовнице в расчете на бурные выходные, кто-то хочет задобрить жену. Обычно женщин среди покупательниц больше, чем мужчин, но пятница – исключение из правил.

Вот в салон вошел вальяжный мужчина с брюшком, склонился над витриной. От предложенного Моне прекрасного комплекта отмахнулся: нет, не то, ему не нужны бесцветные бриллианты. И тотчас Моне, щелкнув пальцами, как фокусник, извлек откуда-то кольцо и серьги, включил дополнительную лампу,

выложил украшения перед клиентом.

– Обратите внимание, – доверительно прошептал он. – Голубой бриллиант. Посмотрите! Видите, какой оттенок? Конечно, другая цена – но! Но зато, сами понимаете, вы имеете за свои деньги совсем другой уровень, совсем!

– Я знаю, что цветные бриллианты ценятся значительно дороже, – важно сообщил покупатель. – Это будет подарок, но еще и инвестиция.

Моня усилил свет лампы.

– Прошу вас, смотрите сами, – предложил он. – Выбирайте. Когда я вижу, что клиент понимает в камнях, я только отхожу и не мешаю.

На самодовольном лице мужчины было написано, что его и впрямь не проведешь. Он вглядывался в камни и видел, что те действительно голубовато искрятся.

«Глупый ты человек, – думала Майя. – Цветные бриллианты и в самом деле ценятся в десятки раз дороже обычных. Но только если это их природный цвет! Такие камешки, даже маленькие, уходят вмиг на любом аукционе за миллионы долларов, и в салоне их не найдешь. А те зеленые, розовые и синие бриллианты, которые можно изредка увидеть в дорогих ювелирных, – это облагороженные камни, то есть цвет в них добавлен искусственно!»

Правда, сейчас Моня предлагал клиенту кое-что другое. Бриллианты в серьгах и кольце, так красиво переливавшиеся под лампой, не были обработаны по цвету.

– Беру! – обрадовал клиент Моню, и тут же потребовал: – Сделайте скидку!

Когда он ушел, довольный удачной покупкой, Верман выключил лампу и убрал на полку. «Ах ты старый пройдоха, – про себя усмехнулась Майя. – Вот где был подвох! Твоя лампа, которую ты так предупредительно достал якобы для удобства клиента, на самом деле служит для совсем другой цели. В ней есть ультрафиолетовый спектр, а в его свете почти все бриллианты приобретают голубой оттенок. Камни с желтоватым отливом – самые малоценные, но ультрафиолет скрывает желтый цвет, и вот уже перед покупателем вместо

посредственных бриллиантов – великолепные».

Она проглядела характеристики купленных украшений и убедилась в своей правоте. Да, цвет не самый удачный, но Моня замаскировал это, спрятал в ярком свете. «Забавно, что именно свет, который должен показывать все недостатки, помог ему скрыть их. Но при солнечном свете серьги и кольцо будут выглядеть иначе: станут молочно-желтыми, утратят прозрачность и глубину».

– Между прочим, – сказал Моня, – я дал ему возможность внимательно рассмотреть ярлык. И там, рыбка моя, все сказано как на духу.

– И про цвет сказано как есть?

– А как же! Цвет – пять, чистота – четыре.

– Посредственные камушки, – вздохнула Майя.

– Не стану спорить, – согласился Моня. – Но клиенту понравились, ты же видела.

– Потому что вы его убедили в этом.

Верман расхохотался:

– Так в этом, Марецкая, и состоит моя работа! Клиент должен уйти довольный и умиленный, как бабушка с утренника в детском саду. Что я ему предложил вначале? Цвет – два, чистота – два! А огранка! Гранил Сема, и надо ли еще что-то говорить? Но этот покупатель, он же лучше меня знает, что ему нужно. Конечно, ведь Верман работает какие-то тридцать лет, это не срок! Так лучше я продам Семины камушки тому, кто правильно понимает в этом деле. И все будут довольны.

Он не успел договорить, как в салоне появилась очень просто одетая женщина лет сорока. Джинсы, старомодный потертый свитерок, никаких украшений. На милом улыбчивом лице – ни грамма косметики. «Да, для Мони это не клиент, – подумала Майя. – Сейчас отправит ее ко мне. Видно же, что у нее нет денег на наши украшения».

Но Верман в очередной раз поразил ее. Лишь услышав робкое: «Я хотела бы колечко...», он тут же выложил несколько прекрасных колец. А подумав, добавил к ним еще пару.

Женщина, несмело улыбаясь, взяла в руки крайнее. Майя одобрительно подумала, что выбор очень неплох. Впрочем, из того, что предложил Моня, выбрать плохое было невозможно.

«Отчего он так старается? – удивлялась она, глядя, как Верман работает с посетительницей. – Она ничего не купит. Может, она просто ему симпатична?»

– Мне нравятся вот эти два кольца, – сказала женщина. – Может быть, вы посоветуете мне?

Она доверчиво взглянула на Моню.

– Без малейших сомнений, это. – Верман подвинул к женщине кольцо с бриллиантом поменьше. – Я знаю, что вы скажете! Вы скажете, что меньше карат... Но чистота – единица! И какая огранка! А цвет! Это – выгодное приобретение, поверьте мне, мадам.

Майя была совершенно уверена, что женщина поблагодарит за совет и уйдет. Вместо этого милая посетительница расплатилась с Моней, спрятала покупку в сумочку, поблагодарила его за помощь и неторопливо ушла, улыбнувшись на прощанье обоим.

– Что это было?! – не выдержала Майя, когда клиентка ушла. – Моня, я не понимаю! Такие свитера носила моя бабушка! Откуда у нее деньги на такое кольцо?!

– Я не был знаком с твоей бабушкой... – начал Верман.

– Боже мой, при чем здесь бабушка?! Я про эту женщину!

– Ах, про эту... Так по ней сразу было видно, что это дельная женщина. Она все понимает верно, она имеет такие возможности, что дай нам бог! Вполне обеспеченная женщина, без показухи.

- Я уже догадалась. Но вы-то как об этом узнали?!

- Марецкая, ты глядела на ее руки и шею? Ты видела эти складки? В них можно класть брильянты и перевозить через границу!

- Ну и что?

- А лицо? Ты оценила ее лицо?

- Очень милое, по-моему...

Моня закатил глаза.

- При чем здесь это?! Ты что, не видела, что на ее лице написаны сорок лет спокойной жизни с творожком на завтрак?

- Видела. Ну и что?

- Ты с ума меня сведешь! - завопил Моня. - Ты сделаешь мне больную голову и через тебя я стану такой же псих, как тот шлимазл, который задавил мою тетю Раю! Дворкин, выйдите сюда, я через вас буду говорить кое-что этой глупой женщине.

- Я уже уронил тапочки, пока бежал к вам, Верман, - флегматично отозвался Сема, не двинувшись с места.

- Хорошо, - сдался Моня. - Так и быть, скажу, чтобы ты не сидела в невежестве. Где мы читаем возраст женщины? Мы читаем его на шее и руках, это знает каждый ребенок. Твоей милой, как ты выразилась, даме шестьдесят лет, и это еще по моей галантной мужской оценке!

- Вы шутите?!

- Она думает, я шучу! Сема, вы слышите? Какие шутки? Если я вижу красивую женщину, у которой на лице написаны сорок пять лет, а на шее - на двадцать больше, то я говорю себе: «Моня, эта женщина имеет немножечко средств. У нее есть время и деньги сделать себе такое лицо, какое она захочет. У нее есть

воспитание и скромность, чтобы не кичиться этим на весь квартал». Разве после этого я не проведу с такой дамой приятные двадцать минут, чтобы порадовать ее и себя?

– Верман, я что-то не уловил, – подал голос Сема, – вы все еще об украшениях?..

Днем у Майи был небольшой перерыв. Она спряталась в кабинете Мони, достала из холодильника припасенный салат из капусты и включила радио. Диктор, захлебываясь, сообщала о «беспрецедентном по своей наглости ограблении, совершенном на ювелирной выставке в Сокольниках».

Верман заглянул в кабинет и, услышав новости, замер, вскинув брови.

– Украли только один бриллиант, – сообщила Майя. – Зато какой! Как же они его не уберегли?

– Руководство банка «Зевс» пока отказывается комментировать случившееся, – закончила диктор.

– Мда, не уберегли, – согласился Моня. – Забавно, забавно...

Майя не успела узнать, что показалось ему забавным – Сема дал знак, что они нужны в салоне. Пришлось бросать недоеденный салат.

На этот раз в магазин ввалились двое: парень в кожаной куртке, а с ним под руку – девица с красной сумкой. Девица, выпустив приятеля, подлетела к ближайшей витрине и уткнулась в нее.

Моня толкнул Майю под локоть:

– Марецкая, ты видишь эту шиксу с сумочкой из кожи молодого дерматина? Иди и узнай, чего она хочет.

Узнать оказалось нетрудно.

– Вова, я хочу брюлик! – заняла девица. – Вот такой!

– Ты что, рухнула? – суровым шепотом спросил парень. – Новый год уже был.

– Он хале-е-есенький! Он мне подходит! Девушка, а покажите это колечко!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/elena-mihalkova/almaznyy-endshpil>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)